

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ
ЯПОНСКИЙ ФОНД

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЯПОНСКОЙ
ИСТОРИИ

Москва
1996

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ЖИЗНЕННОЙ ПРАКТИКИ ЯПОНЦА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В до-буддийский период пантеистическое мировосприятие стало основой складывания в социо-культурном развитии Японии своеобразной концепции, глубоко традиционной и в то же время обладающей механизмом активного внутреннего развития и адаптации к меняющимся условиям - концепции интеграции жизни человека и природы, экологичности социальной жизни. Сложился своеобразный феномен, пожалуй, в подобной нормативной системе характерный только для японцев. Возникла определенная система экологии личности с попыткой формализовать ее место как в мире природы, созданном высшими силами, так и в мире, организованном самим человеком.

Жизнь не в противопоставлении, а в согласии с природой; постоянное стремление к познанию ее, но в то же время признание для человека непознанного, тайного, и неизменное преклонение пред великим таинством мира; поклонение не просто обожествленной природе, но ее красоте не столько в анимистическом, сколько в светском понимании, бесконечному многообразию этой красоты, дающей человеку высшее наслаждение и радость от понимания близости и вечных связей с окружающим миром - определяющим фактором в формировании этого феномена, действующего и сегодня - экологичности общества, когда осознание неизменной и животворной связи с природой превращается в жизненную философию, стал переход этих связей от системы архаического, мифологического сознания на уровень эстетического идеала.

Со времени Дзёмон и курганных сооружений как бы сложился специфический канон, давший новое, необычное эстетическое измерение жизни, вобравшее все существование японца - быт и творение его духа и рук - культурное поле, в дальнейшем включившее все сферы искусства, развивающегося в веках - литературу, живопись, архитектуру, театр и прикладные виды художественного творчества. В эпоху

Ответственный редактор
А.Е.ЖУКОВ

Издание осуществлено при поддержке
Японского фонда

Размышления о японской истории. - М., 1996. - 122 с.
ISBN 5-89282-005-X

Книга представляет собой сборник статей по фундаментальным проблемам новой и новейшей истории Японии, написанных в рамках работы над проектом учебного пособия по истории Японии в двух томах. Данный проект осуществляется Ассоциацией японоведов при поддержке Японского фонда.

ISBN 5-89282-005-X

© Ассоциация японоведов, 1996

средневековья, новой и новейшей истории этот канон претерпевал значительные изменения. На него оказывали влияние буддизм и конфуцианство, становление политических и социально-экономических структур, классовая борьба, наконец, научно-техническая революция. Но всегда, включая и сегодняшний день японца, совершенно очевидны попытки сохранить уже найденное в веках - ценности традиционного восприятия мира.

Закономерно, что в поисках гармонии между человеком и природой важны усилия не только личности, но и коллектива. Экологичность личности и коллектива взаимосвязаны, их взаимозависимость (гармония) очевидна. Гармония (порядок, равновесие) получила в истории культуры Японии название "ва". В такой дефиниции он фиксируется в документах начального этапа японской государственности (кодекса Тайхорё, обращениях Сётоку Тайси - 646, 702-700 гг.).¹

В социальной практике понимание "ва" оценивается как важное знание порядка уравнищенности, а, следовательно, экологичности каждого из компонентов общества, которое должно достигаться проецированием на него через ритуал гармонии космического порядка.

Для осуществления "ва" в социуме важнейшее значение приобретает осуществление этого процесса на низших уровнях, взаимодействие отдельных частиц социального организма, т.е. работа индивидуального и коллективистского начал. И здесь вновь обнаруживается влияние пантеистического восприятия окружающего мира.

Сама высадка риса наряду с ее практической задачей была и чисто ритуальным действием - поклонением тайне произрастания злака, почти математической точностью соблюдения ритуала высадки каждого ростка рисовой рассады².

К тому же строгая геометрическая очерченность рисового поля, графичность на местности композиционного рисунка ирригационной системы по своей пространственной структуре перекликалась с сакральной территорией перед храмом.

Соединение усилий в освоении новой для предка японца деятельности по выращиванию риса проходило через точный распорядок действий. Коллективистские качества японца обычно рассматриваются как несомненное свидетельство подчинения личности группе. Однако на этапе начального складывания черт социально-определенную незави-

симость личности внутри коллектива, не только подчинение ее организации, группе, но и значительную самостоятельность и ответственность. Пантеистическое сознание связывало это с представлением, когда множество божеств могли воплощаться и действовать в едином (предхрамовом, храмовом) пространстве и в то же время пространство, воплощающее это множество, могло сжаться до одного камня, несущего все его качества и суть. Коллективистские черты характера и деятельности японца несомненно внесли свою немалую лепту в интеграцию жизни человека и природы, в экологизацию общества.

Были и сопутствующие этому процессу явления. Так, активизирующее влияние оказывала сложившаяся в период общекультурных контактов и связей японцев с внешним миром специфика синтеза культур, ставшая важнейшей чертой культурно-исторической традиции Японии. Из поколения в поколение, включая наши дни, в характере японца передается активность, широта охвата жизненных явлений и стремительность в восприятии всего нового, "чужого". Вместе с тем каждая привнесенность, инновация может утвердиться (нередко при этом изменившись до неузнаваемости) лишь будучи апробированной социальной практикой многих поколений. Самостоятельность и самооценность культурного контекста стала основой как способности динамического восприятия нового, так и не менее активного его выборочного ассимилирования. Подобная специфика формирования синтеза культур по существу отражает черты этно-социального, психического склада японцев, сформировавшиеся в опыте духовно-практического освоения мира. Процесс непрерывной, глубинной переработки подтверждает судьба разнообразных влияний, шедших на японские острова с континента. Даже воспринятый на самой ранней стадии развития японского общества стереотип древней китайской культуры, касающийся отношений человека и природы, на японской почве претерпел значительную трансформацию.

Бережному отношению ко всему произрастающему и произведенному руками человека на земле (деревья, кустарники, зеленые насаждения, колодцы) японец учился с детства - с коллективной высадкой рисовых ростков на общинном поле до строгого предписания сохранять деревья и кустарники на территориях городских и сельских поселений, обширных храмовых комплексов. Построенные в раннее средневековье две столицы Нара и Хэйан воспроизводили континентальную

схему городской застройки, особенно Нара (710 г.), повторявшая полностью план и композиционное решение столицы Танского Китая - Чанъани. По строгой расчерченности территории на кварталы, казалось бы полностью повторявшая застройку китайской столицы, не могла обеспечить полной идентичности (как того требовали от строителей). Причиной было использование другого, нежели на континенте, строительного материала (не камень, а дерево), а главное - сложившаяся местная традиция, не позволявшая иноземным мастерам вырубать при строительстве деревья и кустарники. Огромный монастырь Хорюдзи, практически воспроизводивший схему сооружения буддийских комплексов на материке, также сохранил японскую строительную традицию в отношении природного окружения - деревья и кустарники были сохранены и часто, ломая замысел корейских и китайских строителей, занимали площадь между зданиями или росли вплотную к самым главным сооружениям (Кондо - золотой павильон, пагода и др.).

Заимствование ландшафтной теории из Китая также претерпело значительное изменение³, хотя основные ее положения "Вода и воздух" внедрялись при строительстве древних столиц до-буддийского периода. В районе древнего государства Ямато до возведения первой столицы раннего средневековья - Нара, была построена 31 столица, которые оставались по смерти представителя царствующего дома и снова строились на другом месте в соответствии не только с экономическими причинами⁴, как принято было объяснять, но прежде всего с соблюдением принципов геомантии⁵, с исследованиями воздушных течений и источников питьевой воды, направлением горных хребтов и русел рек.

Однако к попыткам древнего японца создать органичность взаимоотношений с природным окружением следует отнести умение не только противостоять привнесённому или перерабатывать инновации, не соответствовавшие духовному складу, жизненной практике или региональной географической характеристике⁶, но и способность сохранить механизм заимствования в том точном соответствии местным условиям, который обеспечивал оптимальный режим работы. Так, заимствование рисоводства и создание ирригационной системы требовали скрупулезно точного соблюдения незнакомых местному населению условий. Несоблюдение норм режима работы каналов, подающих и спускающих воду с полей, таило опасность засоления почв, вымывания из них цепных компо-

нентов. Известна трагическая судьба древней цивилизации Двуречья, погибшей именно из-за неумелой практики и непродуманных планов мелиоративных работ, разрушивших плодородные почвы и превративших огромный цветущий ареал в пустыню.

Коллективный труд общины, групповая психология и дисциплина обеспечивали деятельность, соответствующую природным процессам и тому уровню биоценоза, который отвечал формированию ландшафтного покрытия земного шара.

Попытки упорядочить знания о мире шли всегда рядом со стремлением внести "порядок", гармонию "ва" в социальные отношения. Это социальное, классовое разграничение, активно начавшееся на стадии разложения родового общества и превращения его в классовое, это и стремление организовать в соответствии с задачами элитарного слоя жизнь низших слоев населения. Ритуал здесь играл постоянное и с течением времени все усиливавшееся значение нормативной модели всех отношений поведенческой практики. Концепция пространства, трактующая его как воплощение космической энергии - символа упорядоченности системы, гармонии, порядка, - была чрезвычайно важна для организации городского и сельского поселения. Если для конструирования сада в храмовой и дворцовой архитектуре была допустима некоторая размытость образного смысла, то для "работы" пространственной концепции в социуме характерна наибольшая стабильность, четкость, нормативная система, сохранявшая физическую структуру как города, так и деревни в течение веков. Город до-буддийской эпохи, впрочем, как и ранне-средневековый (Нара и Хэйан), представлял собой строго регулируемое образование, обычно в плане - прямоугольник, ориентированный согласно принципу геомантии по оси север-юг. Каждый квартал, каждый дом - замкнутый комплекс вместе с окружающим его пространством, повторял прямоугольные очертания пространства города и нес ту же смысловую нагрузку, что и вся городская застройка. Ритуал не только определял практику строительства города как космогонической схемы мира (центральную или северную часть занимала сакральная территория), но и выступал началом, организующим пространство как основу духовно-практической деятельности человека и сферу социальной адаптации. Четкое деление застройки на кварталы, установление места жительства определенных слоев населения, разделение ремесленной и торговой застройки зонами храмовых комплексов с

парковым пространством (своеобразная территория отдыха) также определялось стремлением к уравновешенности, гармонии в физической и социальной деятельности, использовалось также как мера организующего воздействия на трудовую и психическую активность человека.

Таким образом, именно период до-буддийской древней Японии позволяет говорить о нем как о времени, когда изначально сложившиеся на основе космологических представлений отношения японца с окружающим миром были переведены в план эстетического его восприятия, сложилась своеобразная, представляющая и специфику процессов этногенеза, система-канон, на основе которого в средневековье и последующие хронологические этапы истории страны развивались культурные процессы.

Объединение двух начал в общественном сознании - пантеистического и коллективистского, - привело к такому развитию историко-культурного контекста в последующие века, когда решающим для последующих этапов стало не чисто пантеистическое восприятие, а его преломление социальной практикой в социо-культурный феномен эстетизации жизненных реалий, формирования эстетического канона всего разнообразного опыта постижения мира. Благодаря активности этого сложного процесса не возникло цезуры (разрыва) в культурно-исторической традиции между периодами древности и средневековья⁷, а были обеспечены сохранение и передача исторической памяти, что, в свою очередь, поддержало и определило непрерывное развитие и модификацию сложившегося в до-буддийской Японии стереотипа восприятия мира и отражения его в духовно-практической деятельности человека.

Нередко подобное явление воспринимается исследователями как некая культурно-национальная вневременная данность. На наш взгляд, до-буддийская Япония, а именно период перехода от древнего общества к ранне-феодальному, стал началом процесса, когда изначально сложившиеся на основе космологических представлений отношения японца с окружающим миром стали постепенно расширяться до уровня иных, чем пантеизм, категорий, приобретая все более очевидный характер эстетического его (мира) восприятия и осмысления. Действие эстетического канона, особого измерения жизненной деятельности японца, определило возможность социо-культурной связи между самыми ранними этапами формирования процессов этногенеза и последующим ис-

торическим развитием. Подобный подход может помочь в понимании феномена японской культуры наших дней, когда в культурно-историческом пласте современности сохраняется проявление первичной архаической модели взаимоотношений человека и природы, механизм их взаимного интегрирования, органическое действие которого поддерживается и стимулируется всеми социальными силами общества.

¹ Нихон си дзитэн. - Токио, 1959. - С. 309.

² Оттенок ритуальности сохранился и до сегодняшнего дня в ежегодных праздниках первого дня (14 июня) посадки риса, так же как в торжествах начала рисовой жатвы. Согласно кодексу Тайхорё преступлением считалось засыпание колодцев, разрушение ирригационной сети, нарушение межевых знаков, засорение источников.

³ Осака фу-но рэкиси. - Токио, 1972; Нара-но рэкиси. - Токио, 1973.

⁴ Перенос столицы из Асука и строительство в Фудзивара объясняли плодородием земель и тем, что они принадлежали дому Фудзивара.

⁵ Геомантия - древнее китайское учение о соответствии расположения городской застройки, расположения зданий при планировании городской и сельской территории благоприятному расположению светил, ветра и вод.

⁶ Строительство осуществлялось китайскими и корейскими мастерами в соответствии с канонами материкового зодчества и не учитывало местных условий - высокой сейсмичности, влажного климата с регулярными сезонами дождей. Это привело к уничтожению росписей и фресок на внешних стенах храмовых комплексов.

⁷ Такой процесс характерен для пограничного времени развития Европы в эпоху Римской империи и средневековья.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РЕСТАВРАЦИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ЯПОНИИ

Япония, как и многие другие страны, прошла длительный путь борьбы за власть, пережила периоды политической нестабильности и феодальных усобиц. С середины XV века страну раздирали междоусобные войны, что привело к политической раздробленности, полному упадку центральной власти. Этот период получил название сэнгоку дзидай - период воюющих провинций. К этому времени страна действительно распалась на отдельные княжества, которые вели между собой борьбу за власть. Это смутное время длилось более ста лет. Точку в борьбе за объединение Японии поставил Токугава Иэясу (1542-1616), который в битве при Сэкигахара в 1600 г. разгромил своих соперников, в 1603 г. принял титул сёгуна, положив начало третьему сёгунату в Японии.

Представители дома Токугава правили страной 264 года, полностью отстранив императорский дом от политической жизни страны. После своей победы сёгун Иэясу ввел новую должность сёсидай (наместник) в Киото, где в строгом уединении находился император. В его обязанности входила слежка за императорским двором, чтобы пресечь любую попытку использовать императора в оппозиционной борьбе. Один из сыновей императора постоянно должен был находиться в храме Канъэйдзи в Уэно для того, чтобы своими молитвами охранять сёгуна. Таким образом сёгун постоянно имел заложника из императорского дома.

Первое время Токугава оказывали двору некоторые внешние знаки почтения, несколько улучшили его материальное положение. Но по мере укрепления власти сёгуна усиливалась политика полного подчинения императорского двора сёгунату, который все меньше и меньше считался с Киото.

Формально император являлся верховным правителем страны, получившим власть из рук богини Аматэрасу. "Бансэй иккэй" ("одна линия на века") - в этой формуле воплотился принцип непрерывности правления императорского дома. Этот религиозный престиж императора использовали все правители Японии. Захватив реальную власть, сёгуны как

бы получали из рук императора мандат на проведение "большой политики". Это делалось якобы для того, чтобы император не осквернял себя заботами о государственных делах. За ним сохранялось право раздачи придворных должностей и рангов, наград, соблюдение дворцового этикета. Самостоятельность императора касалась и религиозных отпращиваний. Но сёгунат вмешивался и в эти дела. Так, в 1615 г. были приняты указы бакуфу из семнадцати статей, ставившие двор и придворную аристократию под контроль сёгуната. Эти указы регламентировали жизнь императорского двора, дворянства и духовенства.¹

На протяжении всей истории императорского дома синтоизм, эта исконно японская религия, с его культом предков служил идеологическим обоснованием законности императорской власти. Поэтому нет ничего удивительного в том, что развернувшееся в Японии движение за реставрацию императорской власти происходило под синтоистскими лозунгами.

При Токугава на первый план, оттеснив синтоизм и буддизм, выдвинулось неоконфуцианство чжусианского толка (сюсигаку). Конфуцианство проникло в Японию в VI в.,² а в ХУП в. оно стало официальной идеологией токугавских правителей. В этом качестве оно пронизывало всю систему образования и определяло нормы морали. Чжусианство проповедовало нерушимость существующего порядка, неуклонное соблюдение феодальной иерархии, разделение людей на социальные группы, на низших и высших. Формула "тайги мэйбун" ("великий моральный долг"), разработанная китайскими философами сунской школы и получившая дальнейшее развитие в работах Чжу Си,³ воплощала в себе идеи, которые сёгуны Токугава стремились претворить в практику политической жизни страны. Она проповедовала: живи согласно своему социальному положению, будь покорен своему господину. С азов обучения прививался дух зависимости и подчинения. Был даже издан декрет "О запрещении других учений" ("Кансэй игаку-но кин"), имевший целью освободить путь распространению в стране чжусианства, укреплявшего сложившиеся государственные устои. "Но несмотря на свое название, этот декрет ни в коем случае не налагал запрета на изучение других наук, существовавших помимо чжусианства. Тем не менее можно признать, что конфуцианство, представленное чжусианством, заняло положение ортодоксальной философии феодального общества".⁴

Но, как не раз бывало в истории Японии, в дальнейшем конфуцианское учение о великом моральном долге было использовано противниками сёгуната в борьбе за реставрацию императорской власти. Конфуцианская формула "тайги мэibun" использовалась участниками антисёгунского движения для обоснования морального долга самурая по отношению к императору. "Поэтому, если вообще влияние какой-либо идеологии, выросшей в одной стране, должно учитываться в другой стране, принимая во внимание особенности исторической обстановки и конфигурации борющихся сил, тем более это должно делаться в приложении к Японии".⁵

Состав антисёгунского движения был разнохарактерным по своей социальной принадлежности. Но в идейном плане общим для умонастроений различных социальных и политических сил было то, что все они выступали против официальной государственной идеологии - неоконфуцианства. Парадокс заключался в том, что идейные вожди антисёгунского движения были воспитаны в конфуцианской традиции.

Оппозиционное движение зародилось в среде господствующего класса в ХУП в., лидерами в этом движении выступали князья княжества Мито. Оно входило в число трех княжеских домов (госанкэ), основанных тремя сыновьями первого сёгуна Токугава Иэясу. В период Камакура (1192-1333) на территории княжества Мито был замок семьи Дайдзё, после битвы при Сэкигахара в 1600 г. вокруг замка возник приамктовый город, где находилась резиденция одиннадцатого сына Иэясу Токугава Ёрифуса (1603-1661).

Историко-философское направление, зародившееся и оформившееся в этом княжестве, называют школой Мито (Митогаку). В ней были представлены различные философские направления и религиозные учения: конфуцианство, буддизм, синтоизм, даосизм, а также "национальная наука" (кокугаку). Эта школа выступала в качестве оппозиции главным образом по отношению к сторонникам "школы Чжу Си" и "китайской науки" (кангаку).⁶

Представители школы Мито много внимания уделяли этико-политическим вопросам и, особенно, истории.

В развитии этой школы японские историки выделяют два периода. Первый связан с именем Токугава Мицукуни (1628-1700).⁷ Он был внуком Токугава Иэясу, основателя третьего сёгуната в Японии. В своем княжестве Мицукуни вел сельское хозяйство в традициях китайского конфуцианства, снизил годовой налог (нэнгу), построил хранилища для зерна на случай голода. Известен такой факт из его биогра-

фии. Вернувшись после некоторого отсутствия в свое княжество, он обнаружил, что финансовые дела расстроены, земля перешла в руки богатых купцов и зажиточных крестьян, что повлекло за собой обнищание основной массы крестьян. Разгневавшись, Мицукуни выхватил меч и убил управляющего. Разумеется, этот поступок не следует рассматривать как проявление сочувствия беднейшему населению княжества. Мицукуни был рачительным хозяином и понимал, что благополучие основных производителей сельскохозяйственной продукции обеспечивает стабильность получения нэнгу, а значит, и прочное материальное положение княжества.

Токугава Мицукуни основал Сёсикан (библиотеку) для составления "Истории великой Японии" ("Дай нихон си"). Он пригласил высланного из Китая ученого Шу Шуньсуй (1600-1682) помочь написать историю Японии. Шу Шуньсуй прибыл в Мито в 1665 г. Он был сторонником свергнутой династии Мин, и его пример верного служения трону очень импонировал Мицукуни.

История Японии была завершена в 1715 г., а полностью опубликована лишь в 1906 г.; труд этот состоял из 397 томов. Всю работу пронизывала идея почитания императора и конфуцианская догма о моральном долге тайги мэibun. Не стоит преувеличивать влияние "Истории великой Японии" на современников, поскольку она была написана в старом классическом стиле, малодоступном для рядовых самураев.⁸ Еще Араи Хакусэки (1657-1725), конфуцианский ученый и политический деятель, критиковал эту историю, в основу которой были положены "Нихон сёки". Араи подвергал сомнению идею о божественном происхождении японских императоров.⁹

Гораздо большее влияние на японскую интеллигенцию имела работа японского ученого Рай Санъё (1780-1832), находившегося в оппозиции к сёгуну. В "Неофициальной истории Японии" ("Нихон гайси") он описал историю страны с ХП в. и до 1600 г., т.е. с того момента, когда в стране утвердились сёгуны, а император оставался на троне лишь формально. Поэтому Рай Санъё и назвал свою историю неофициальной. Он резко критиковал ранние сёгунаты, особенно сёгунат Асикага и восхвалял трон. По его мнению, сёгуны захватили власть, а она по исключительному праву должна принадлежать императору, который раньше был и главкомандующим. Работу Рай Санъё по-разному оценивали власти и читающая публика - первые ее запретили, а вторые усердно читали. Рай Санъё был одним из наиболее последовательных

критиков токугавского режима, он красноречиво описывал то время, "когда не существовало отдельного военного сословия, когда общество, как и государство, не делилось на военных и гражданских, когда не было известно ни власти, ни имени военного диктатора (сёгуна), осуществляющего узурпированную власть, которая по исключительному праву и традиции должна принадлежать императорской персоне".¹⁰

Второй период Митогаку связан с именем Токугава Нариаки (1800-1860), отцом последнего, пятнадцатого сёгуна Ёсинобу. Нариаки стал главой княжества в 1829 г., он был образованным и решительным человеком, провел у себя ряд административных реформ, доверив видные посты в администрации княжества таким способным людям, как Фудзита Токо (1806-1855) и Аидзава Сэйсисай (1782-1863). Политическая деятельность Нариаки вызвала недовольство бакуфу, и его отстранили от дел, что лишь способствовало росту его популярности среди оппозиционно настроенных даймё.

Токугава Нариаки в 1841 г. основал школу Кодокан (школа великого пути), где велось обучение наукам и военному делу, этикету, стрельбе из лука, езде верхом. Там же обучали обращению с огнестрельным оружием. В школе занимались самураи княжества Мито. Используя западную систему организации армии, там формировались отряды, вооруженные огнестрельным оружием. Токугава Нариаки переплавил большие колокола буддийских храмов в своем княжестве на пушки. Таким демонстративным шагом он выразил свое отрицательное отношение к буддийской церкви и одновременно укрепил обороноспособность княжества.

К числу самых известных деятелей школы Мито принадлежал и Фудзита Юоку (1774-1826). Он родился в княжестве Мито в семье торговца, получил воспитание в конфуцианском духе. Его трактат "Сэймэй рон" ("Трактат об исправлении имен") получил широкое распространение в кругах недоброжелателей сёгуна. В этой работе он выдвинул девиз "почитайте императора и низвергайте узурпатора" ("сонно хайки"). Он писал: "Необходимо прямо и строго придерживаться деления по именам в государстве. Оно подобно небу и земле и не изменяется. Существует монарх и подданные, тогда существует верх и низ. Существует верх и низ, тогда можно установить порядок вещей, правления и обрядов и связанных с ними этических норм, а также долг и справедливость ... У неба нет двух сыновей, а у земли нет двух владельцев".¹¹

Школа Мито выдвинула идею "почитания императора" ("сонно"). Лидерами оппозиции и носителями идеи сонно выступали образованные люди того времени, которые осознавали кризисную ситуацию японского общества тех лет, отсталость Японии. Они понимали необходимость заимствования западных научных, технических и военных знаний.

Трезвые политики, например Кидо Такаёси (1833-1877), самурай из княжества Тёсю, активный участник антисёгунского движения, объективно и хладнокровно рассматривали этот лозунг. Для Кидо Такаёси не почитание императора, а использование его являлось средством создания объединенного государства. "С этой точки зрения это почитание было "театральным" реквизитом на политической арене, лозунгом заговора. А "тэнси-но инсё" ("эмблема сына Неба"), "тайги мэйбун" ("должное отношение между правителем и подчиненными") он рассматривал как уловку. Ловко привлечь императора на свою сторону - это самое важное. Если же его захватит противная сторона, все представление провалится".¹²

Школа Мито пыталась найти пути разрешения внутренней кризисной ситуации в условиях угрозы извне. Лозунг "сонно" дополнился лозунгом "дзёи" ("изгнание варваров"). Представители этой школы опасались, что Запад может разрушить не только социальную и политическую систему Японии, но и подлинный характер японской нации, который они выражали термином "кокутай",¹³ что было тождественно слову "синкоку" - страна богов. Школа Мито сосредоточила свое внимание на разъяснении "кокутай", сводя ее к национальной иерархической структуре во главе с императором. Видя моральное разложение общества, представители школы ратовали за политические и военные реформы. Школа выполнила роль идеологического толчка в антисёгунском движении и оказала решающее влияние на националистическую идеологию нового правительства Мэйдзи, которая базировалась на концепции "кокутай".

Антисёгунскую идеологическую направленность имела и школа национальной науки (кокугакуха). Представители этой школы начали с отрицания официальной идеологии - конфуцианства. Они противопоставили ей новые идейные воззрения. В их основе лежала идея неизбежности императорской власти, к которой должна была вернуться страна, отказавшись от сёгуната. Наиболее подходящим источником для построения идеологического учения была для них классическая японская литература, пронизанная культом импера-

тора. Однако движение школы национальной науки вышло далеко за рамки культурных задач, за рамки изучения и толкования классической японской литературы. Оно подготовило идеологическую платформу свержения сёгуната.¹⁴

Анализируя литературные памятники, представители этой школы проводили мысль о том, что "путь Японии в древности" является идеалом, к которому следует стремиться, что синто в его древнем виде содержит неисчерпаемые сокровища японского "божественного" духа.¹⁵

Родоначальником школы национальной науки является Кэйтю (1640-1701). Настоящая его фамилия Симокава, известен он еще и как Кусин, а Кэйтю - его посмертное буддийское имя. Отцом Кэйтю был самурай, который не признавал его как сына. После смерти матери он жил при буддийском храме божества Мёо секты Сингон. Кэйтю был одаренным ребенком и уже в возрасте 12 лет принял монашеский сан. Кроме буддизма он изучал классическую японскую литературу и древний язык. По совету знатного князя Токугава Мицукуни Кэйтю начал изучение "Манъёсю", первого письменного памятника японской поэзии УШ в. Он прокомментировал весь памятник. Его труд, состоящий из 31 книги, считается одним из самых авторитетных, и широко используется современными исследователями "Манъёсю".¹⁶ Изучение древних книг, классической литературы и было положено в основу деятельности школы. Это был первый период в развитии школы, когда японская литература изучалась в противоположность кангаку, т.е. литературе китайской. Распространению влияния этой школы способствовало и развитие книгопечатания в ХУП в.

Второй период деятельности школы национальной науки связан с именами Када Адзумамаро, Камо Мабути, Мотоори Норинага. В этот период проявилась националистическая подоплека школы, ее идеологические цели. Ее представители критиковали феодальное общество, осуждали проводимую политику, за что подвергались преследованию.

Када Адзумамаро (1669-1736) родился в семье священника синтоистского храма Инари (богиня риса) в Киото, получил воспитание в традициях синтоистского учения, изучал классическую японскую поэзию - вака, "Кодзики", "Нихон сёки", "Манъёсю". Он был известен своей образованностью.

Камо Мабути (1697-1769) родился в семье настоятеля синтоистского храма, был учеником Када Адзумамаро и про-

должил его работу над комментариями к "Манъёсю". Его работа пользуется популярностью и сейчас.

Мотоори Норинага (1730-1801) родился в семье Оцу Садатоси, оптового торговца в Исэ. В 11 лет он лишился отца и воспитывался в семье своей старшей сестры. В 1752 г. он приехал в столицу, где изучал медицину, конфуцианство, а затем японскую классическую литературу. В частности, он начал изучать язык японской повести XI в. "Гэндзи моногатари" ("Повесть о Гэндзи"). Свое имя Оцу изменил на Мотоори. Вернувшись в 1757 г. на родину, он занялся врачебной практикой, но занятий японской классикой не оставлял.

Мотоори Норинага известен своими комментариями к "Кодзики", которые и сегодня представляют научную ценность. Он пытался доказать отсутствие китайского влияния на "Кодзики", осуждал преклонение перед Китаем, считая, что Япония, а не Китай является центром вселенной, что происхождение японцев от богини Аматэрасу ставит их выше других народов.¹⁷ Мотоори Норинага многое сделал для возрождения древней религии японцев - синто, именно в ней он черпал идеи для обоснования исконных прав японского императора на управление страной, поскольку, по его мнению, эти права были освящены религией.

Следует отметить, что в учениях Мотоори Норинага берут свое начало националистические тенденции, которые впоследствии воплотились в национализм шовинистического толка.

Представители второго периода деятельности школы национальной науки основное внимание уделяли разъяснению сущности синто, пути древней Японии (кококу кодай-но мити). Они проповедовали, что синто, древняя и основная религия японцев, присуща только японскому народу и превосходит конфуцианство. Следовать древнему пути, по их мнению, означало подчиняться императору.

Третий период приходится на начало XIX в., когда начались осложнения с внешним миром. Основным представителем школы был в это время Хирата Ацутанэ (1776-1843). Хирата и его сторонники нетерпимо относились к сёгуну и его правительству. По их мнению, сёгуны нарушили и исказили тот порядок и государственный строй, который был в древней Японии. Имелась в виду древняя монархия, которую сёгуны "незаконно" отстранили от власти.

Хирата Ацутанэ родился в семье низкорангового самурая в Акита. Он был главной фигурой в движении фукко синто (возрождение синто древности), считал необходимым

очистить эту религию от влияния буддизма и конфуцианства, которые он отвергал, призывал к почитанию императора. Опираясь на идеологию синтоизма, Хирата пытался создать систему развития японского государства. Его националистические идеи оказали сильное влияние на лидеров антисёгунского движения.

Интерес к синтоизму, призывы к его возрождению не были случайными. В свое время сёгунат Токугава оттеснил синтоизм как самостоятельное религиозное течение именно потому, что он был тесно связан с императором. В XIII-XVI вв. синто оставался в подчиненном положении по отношению к буддизму, а в эпоху Токугава синто-буддийский синкретизм достиг своего пика.¹⁸

Временами сёгунат принимал решительные меры, чтобы воспрепятствовать обострению отношений между Эдо и Киото. Так, в 1759 г. правительство бакуфу отправило в ссылку ученого-историка Такэути Сикибу (1712-1767) за то, что он читал придворной аристократах лекции в Киото, где проповедовал "идею почитания императора и обуздания узурпатора-сёгуна".¹⁹ По мере ухудшения политической обстановки в стране эта идея становилась политическим тактическим средством в антисёгунском движении и находила отклик среди широких слоев мелкого провинциального самурайства и зажиточного крестьянства.

Хотя идеи, начертанные на знамени реставрации, черпались в историческом прошлом страны и имели религиозную оболочку, а силы, выступавшие под этими лозунгами, были носителями социального прогресса, для многих участников этого движения идея почитания императора была лишь тактической уловкой в борьбе за национальную консолидацию.

Следует отметить, что состав участников движения за реставрацию императорской власти был довольно пестрым по своей социальной окраске. Они выступали против почитания всего китайского и в то же время настороженно относились к европейскому, хотя в дальнейшем именно европейские заимствования окажут влияние практически на все сферы жизни японского общества.

Идеи почитания императора нашли широкое распространение среди сомо, людей простонародного происхождения. Они были активными участниками антисёгунского движения. В их отряды (сомотай) входили сельские самураи (госи), деревенские чиновники, дзинуси, торговцы, синтоистские священники, кокугакуся.²⁰

Причины, вызвавшие антисёгунское движение, зрели давно. Но как движение оно оформилось в 1853 г., когда встал вопрос об открытии страны.²¹ Тогда к лозунгу "сонно", как мы уже говорили, добавился лозунг "дзэи" - "изгнание варваров", выдвинутый князьями и самураями, оппозиционными правительству. Оппозиция обвиняла бакуфу в том, что оно открыло страну для иностранцев и заключило неравноправные договоры.

Борьба за реставрацию императорской власти завершилась победой. 3 декабря 1867 г. в Киото произошло отречение сёгуна от верховной власти. 3 января 1868 г. состоялось совещание членов нового правительства, заблаговременно сформированного антисёгунской коалицией, на котором были зачитаны основные императорские рескрипты: о реставрации императорской власти, об упразднении сёгуната, об учреждении нового правительства и т.д. Внешне события 1867-1868 гг. выглядели как политическая реставрация, что породило различные точки зрения на этот исторический факт.

После 1868 г. монархические идеи нашли сильную поддержку в лице возрожденного синтоизма. Уже в 1868 г. от имени императора было торжественно прокламировано восходящее еще к эпохе древнего абсолютизма положение - "единство культа и правления"; в 1870 г. издан манифест о почитании синтоистских божеств, основано учреждение для разработки и пропаганды этих идей. В 1872 г. было обнародовано так называемое учение о трех положениях, призывавшее к почитанию родных богов и любви к родине, к преклонению перед императором и повиновению распоряжениям правительства.²²

Ни, всем протяжении японской истории синтоизм оставался той религией, которая стремилась "подтвердить" божественное происхождение императорской власти. При огромном влиянии Китая на Японию теория "мандата Неба", построенная на конфуцианских канонических книгах (Ицзин, Шуцзин), не была воспринята в стране. По этой теории монарх является избранником неба, согласно же синтоизму - император получил власть из рук богов навечно.

Интересы определенных классов и социальных слоев в ходе революционного процесса не остаются неизменными. Это подтверждает и история Японии XIX в. Самурайство, которое выступало как активная сила в антисёгунской борьбе, спустя девять лет после реставрации императорской власти подняло реакционный мятеж против нового правительства.

Но в то же время из числа самураев вышли деятели нового правительства, в политике которого, особенно внешней, воплотилась доктрина японского монархизма и исключительности японской нации, созданная в рамках школы национальной науки. Идеология сонно дзёи выполнила организующую функцию в антисёгунском движении. Она послужила обоснованием для подтверждения законности нового правительства Мэйдзи, провозгласившего принцип тэнно синсэй - личного правления императора.

- ¹ Г.И.Подпалова. Крестьянское петиционное движение в Японии. М., 1960, с.171-174.
- ² Г.Е.Светлов. Путь богов. М., 1985, с.41.
- ³ Чжу Си (1131-1200) - один из пяти знаменитых китайских философов XI-XII вв., реформировавших древнее конфуцианское учение и приспособивших его к условиям своего времени.
- ⁴ Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972, с.145.
- ⁵ Н.И.Конрад. Избранные труды. Литература и театр. М., 1978, с.285.
- ⁶ Я.Б.Радуль-Затуловский. Из истории материалистических идей в Японии. М., 1972, с.21.
- ⁷ Все биографические сведения даются по двум изданиям; Нихон си дзитэн (Словарь по истории Японии). Токио, 1970; Kodansha Encyclopedia of Japan. Vol.1-2. Токио, 1983.
- ⁸ Г.Норман. Возникновение современного государства в Японии. М., 1961, с.21.
- ⁹ А.Л.Гальперин. Очерки социально-политической истории Японии. М., 1963, с.96.
- ¹⁰ Цит. по: Г.Норман. Возникновение современного государства в Японии. М., 1961, с.243.
- ¹¹ Я.Б.Радуль-Затуловский. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.-Л., 1947, с.301, 303.
- ¹² Кодзай Ёсисигэ. Современная философия. Заметки о "духе Ямато". М., 1974, с.206.
- ¹³ Кокутай - "уникальная" японская национальная сущность, основная доктрина государственного синто. Дух "кокутай" возродился, когда возникла угроза колониального порабощения в 50-е годы XIX в.
- ¹⁴ В.С.Гривнин. Из истории "национальной науки" (кокугаку) в Японии. - Историко-философские исследования. М., 1967, с. 446-447.
- ¹⁵ Иэнага Сабуро. История японской культуры, с. 166-169.
- ¹⁶ Манъёсю. Т. 1. М., 1971, с. 19.
- ¹⁷ Очерки новой истории Японии. М., 1958, с.85.
- ¹⁸ Г.Е.Светлов. Путь богов, с. 89.

¹⁹ Тояма Сигэки. Мэйдзи исин. М., 1959, с.87.

²⁰ Харагути Киёси. Нихон киндай кокка-но кэйсэй (Формирование японского государства). Токио, 1968, с.44; Тэраваки Мэгуми. Сонно дзёи ундо-но сисо (Идеология движения сонно дзёи). - Рэкиси-гаку кэнкю. 1986, № 553, с. 18.

²¹ Мацумото Санноскэ. Тэнносэй кокка то сэйдзи сисо (Государство императорской системы и политическая идеология).Токио, 1978, с.64.

²² Н.И.Конрад. Избранные труды. Литература и театр. М., 1978, с.281.

В. Н. Еремин

ПРАВО В ТОКУГАВСКОЙ ЯПОНИИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСПЕХА ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ МЭЙДЗИ

История японской юриспруденции свидетельствует о традиционной довольно высокой степени развитости материального и процессуального права. Это прослеживается и на этапе господства китаизированного по форме законодательства Ричурё, и в эпоху сёгунатов Камакура и Муромати. В те времена существовали более или менее оформившиеся системы органов правосудия и учреждений по подготовке юридических кадров; на право и правоприменительную практику оказывали влияние идеи исправления преступников, смягчения уголовных наказаний, воздержания от применения смертной казни, ограничения использования пытки; можно также говорить об ошибочности распространенного мнения, будто население было абсолютно не осведомлено о содержании законов.¹ Такая позитивная тенденция правового развития была затем прервана в эпоху феодальных междоусобиц, но начала возрождаться, хотя и непоследовательно, после объединения страны Тоётоми Хидэёси и набрала силу в новой форме при сёгунате Токугава.

Токугавская Япония была вместилищем огромного числа противоречий и парадоксов. Сама система бакухан² была талантливо выращенным сочетанием централизующего и децентрализующего начал, переносом в новые условия политических реликтов эпохи "воюющих государств"³ в "замороженном" состоянии, однако без их нетерпимости в отношении центральной власти, нежелания и неумения жить по-доброму с соседями и вообще перейти на мирный образ существования. Как пишет один из крупнейших японских политологов-историков Маруяма Масао, "величайший исторический парадокс эпохи Токугава состоял в том, что за основу был взят такой вооруженный до зубов супермилитаристский строй, и в то же время была воплощена в жизнь ситуация

"мира", в которой на протяжении более чем двух с половиной столетий избегались гражданская война и революционное восстание."⁴ Буси,⁵ вовлекаемые в мирную жизнь, в значительной степени оставались при своих прежних взглядах и нравах, но, тем не менее, выполняли свои новые социальные функции.

Последовательно набирала силу тенденция к большим общественным сдвигам. "В течение трехсотлетнего процесса в экономической, политической, культурной и других областях происходило вызревание новой внутренней динамичной ситуации". В среде буси нарастал протест против излишеств регламентации, сковывавших развитие новых общественных отношений. ""Героические личности" - выходцы из низших слоев буси, наиболее активно проявлявшие себя в реформах периода бакумацу⁶, резко выступали против общих стереотипов поведения слоя буси, где многие адаптировались к китайской системе рангов и стали доморощенными бюрократами."⁷ Однако - и в этом еще одно противоречие эпохи - общество усваивало токугавские порядки и извлекало из них социально полезный эффект.

Следовательно, оценки и эпохи Эдо, и эпохи Мэйдзи, и события, переведшего страну из "токугавского" состояния в "мэйдзийское", - реставрации Мэйдзи, - должны быть достаточно диалектичны. Вероятно, нужно внимательней всмотреться в токугавское и мэйдзийское общество, не определять одно, как сплошь черное, а другое - как сплошь белое и не характеризовать Мэйдзи исин как переход из мрака к свету.

Нельзя не согласиться с Маруяма, когда он относит к издержкам расставания с токугавским прошлым, в частности, рецидивы "воинственных настроений" эпохи "воюющих государств", что было связано и с новым международным положением страны после ее открытия, и с появившейся возможностью варьировать идеологические лозунги. По его словам, уже в период бакумацу "бросается в глаза ..."рафинирование" духа "воинственности", оставшегося от периода сэнгоку. Подобный образ мышления вызывался в первую очередь ощущением опасности в области международных отношений и в различных вариациях был перенесен в эпоху Мэйдзи... Короче, ... появление аморфного духа и образа действий из-за стремительного распада "кякусики", т.е. ритуалов и церемоний, дало, с одной стороны, ростки "открытого общества" и

его логики, а с другой, - возродило стереотипы военного мышления эпохи сэнгоку."⁸

Было бы интересно исследовать взаимозависимость расцвета японской общественной мысли с элементами демократизма в государственной и общественной жизни страны. Существуют исторические свидетельства того, как при токугавском сёгунате между кланами и бакуфу, феодалами и крестьянским сообществом, складывались взаимоприемлемые отношения по типу консенсуса.

Американский японовед Филип Браун, исследуя формирование государства и экономические преобразования в эпоху Токугава, делает вывод, что в большинстве регионов пред-мэйдзийской Японии, особенно там, где отсутствовал прямой контроль со стороны сёгуната, политические и социальные изменения носили более последовательный характер по сравнению с мерами бакуфу и основывались скорее на местных инициативах, нежели на модели, выработанной наверху.⁹

Так, в течение эпохи Токугава в деревнях владения Кага практиковалась форма перераспределения земли, известная как "варити" и состоявшая в том, что бремя преодоления последствий природных бедствий распределялось по всей деревне, то есть не ложилось только на те семьи, земли которых понесли непосредственный урон. В одних деревнях варити проводилось часто и в рамках определенного цикла; в других - от случая к случаю; само разнообразие этих вариантов указывает на раскованность инициативы крестьянского сообщества. Перераспределение не означало уравниловки: те семьи, которые к началу перераспределения имели участки с большей площадью, получали аналогичные по размеру, но в другом месте.

Даймё¹⁰ Маэда, владетели Кага, в течение первых десятилетий своего правления совершенно не интересовались, как осуществляется самоуправление в деревнях, удовлетворяясь исправным поступлением налогов. Лишь в ХУП в. они начали экспериментировать, намереваясь создать более сложные управленческие структуры. Крупнейшая новация в данной области состояла в преобразовании футибякусё (крестьяне, получавшие денежное вознаграждение за работу в качестве представителей даймё) в томюра (глава района). И все же Маэда по-прежнему не вмешивались в управление деревнями; так, выбор деревенского старосты полностью воз-

лагался на крестьян. Эффективность подобной практики подтверждается, в частности, тем, что владение Кага было известно как весьма хорошо управляемое.

Налоговая система во владении Кага развивалась независимо от центральных властей. Переход от денежного выражения налогов к рисовому происходил постепенно, с неоднократными возвратами к денежному; сам этот переход означал соединение интересов крестьян и даймё, а не внедрение новой системы по указке сверху. Даже в начале ХУП в. сбор налогов не носил конфискационного характера, крестьянам оставался не только прожиточный минимум, но и сверх того.

Впечатляет развитие социальных институтов в эпоху Эдо.

Отмечая ослабление государственной поддержки благосостояния лиц преклонного возраста при сёгунатах Камакура и Муромати, японский исследователь Инаба Мицухико указывает, что при Токугава "политики снова предпринимали меры по поддержанию благосостояния в русле гуманного правления и человеколюбия, преследуя цели нормального и эффективного осуществления власти над территорией и людьми."¹¹

Инаба показывает, что в эпоху Эдо лица преклонного возраста пользовались социальной защитой четырех видов: материальной помощью, смягчением юридической ответственности, физической поддержкой, заботой в духовном плане.

Материальная помощь в большинстве случаев выделялась престарелым в общем комплексе оказания такой помощи людям, впавшим в бедность по различным причинам. Однако есть примеры, когда денежное пособие выплачивалось в прямой связи с преклонным возрастом. В частности, Инаба приводит в качестве примера документ от 2-го года Бункю (1862), устанавливающий выплату денежного пособия лицам в возрасте от 80 лет и старше (указан размер пособия и порядок выплаты).

Что касается смягчения юридической ответственности, то такой институт применительно к лицам преклонного возраста встречался в клановом праве. Приводится решение главы клана Кумамото от 9-го года Тэмпо (1839) о замене телесного наказания лицам в возрасте от 65 лет и старше денежным взысканием.

С 7-го года Кёхо (1722) создавались учреждения призрения (ёдзёсё), в которые помещались больные, находившиеся в крайней степени бедности и не имевшие возможности получить уход с чьей-либо стороны; количество принимаемых лиц и срок пребывания были ограничены, но за пользование этими учреждениями плата не взималась. Такая система, по градации Инаба, относится к области физической поддержки.

В целях оказания престарелым заботы в духовном плане власти постоянно распространяли среди населения идеи конфуцианской морали относительно уважения к старшим по возрасту. Такая линия проводилась и в нормативных документах, и в личном общении должностных лиц с горожанами и крестьянами.

Токугавское право представляло собой живой развивающийся организм, тесно связанный с конкретно-исторической обстановкой в стране и обладающий своими достоинствами и недостатками, а также такими характеристиками, которые было бы трудно однозначно отнести к положительным или отрицательным.

"В предыдущую эпоху источники права имели своей основой безграничное обычное право; то же самое можно сказать и о праве эпохи Эдо, если смотреть на него в целом. Однако в эту эпоху по сравнению с прошлым гораздо более важную роль стало играть статутное право; начиная с бакуфу и затем в кланах активизировалось правотворчество; было создано много нормативных актов и кодексов."¹² Существовали различные разновидности права с разными сферами действия. Даймё сохранили возможность устанавливать и применять свое право в своих владениях, что ослабляло универсальность права бакуфу. "Феодальное правительство разрешило различным самоуправляющимся организациям, следовавшим основному законодательству и находившимся под властью правительства, самостоятельность в пределах, не противоречащих правительственной политике; поэтому продолжало существовать многочисленное право самоуправляющихся организаций - право буддийских храмов, уставы объединений торговцев, корпоративное право старшин цехов слепых массажистов (или музыкантов), право административно-территориальных единиц мура и мати, право назначения наказаний в отношении простолюдинов и т.п."¹³ Однако похоже на то, что такое многообразие не породало правовой

анархии, а скорее повышало степень лояльности кланов и самоуправляющихся образований по отношению к бакуфу, не ставившему их в жесткие рамки.

Единство права обеспечивалось тем, что "важнейшие установления бакуфу претворяло в жизнь по всей стране в качестве "закона, единого для государства", и каждый раз при смене сёгуна во владения даймё посылались наблюдатели для надзора за тем, энергично ли выполняются указы бакуфу. По мере продолжения стабилизовавшегося господства бакуфу развивалась тенденция унификации права по образцу законов бакуфу, обладавшего величайшей властью. Нарушения, затрагивавшие владение или власть другого лица, разрешались на уровне бакуфу, и наказания, налагаемые самими даймё, не могли идти вразрез с этим."¹⁴

На начальном этапе эпохи Эдо вряд ли можно видеть признаки господства права: приоритет принадлежал силе оружия. Но затем процесс практического воплощения идеи господства права несомненно продвигался вперед.

К недостаткам токугавского права следует отнести сохранявшуюся в нем тесную связь с обычаем и доминанту корректировки прав и обязанностей человека в зависимости от его места в системе личных статусов "син-но-ко-сё" ("самурай - крестьянин - ремесленник - торговец"). Отсюда две особенности токугавского права: "Во-первых, хотя оно и приобрело писанную форму, его большая часть усиливала обычное право либо делало в нем частичные изменения, и лишь небольшую часть можно было рассматривать как средство реформаторского регулирования; следовательно, в нем почти не было актов обладающих организованной формой. Во-вторых, большая часть этого права была заключена в рамки системы личных статусов, и небольшая часть обладала универсальным и унифицированным действием."¹⁵

Уголовное право токугавской эпохи наиболее полно представлено в кодексе Кудзиката осадамэгаки, составленном в 1742 г. по приказу сёгуна Ёсимунэ, главным образом - во втором томе этого кодекса. В основе кодекса лежало обычное уголовное право, дошедшее из эпохи сэнгоку; кодекс был окрашен идеей устрашения с опорой на военную силу. В то же время в нем, как будет показано ниже, подучил развитие ряд основных уголовно-правовых институтов. Хотя в нем была очень развита идея общей превенции, можно заметить также присутствие идеи специальной превенции.¹⁶ Принципа "нет

преступления и нет наказания, кроме предусмотренных законом" в тогдашнем уголовном праве просто не существовало.

Для обозначения преступления в этом кодексе чаще всего употребляется выражение "злодеяние" (акудзи), хотя используются и другие (дзякёку, дзайка, фухо, хидо и другие). Как можно видеть из этого лексикона, в чрезвычайно тесной связи здесь находятся преступление и нарушение моральных норм, они практически сливаются. Однако неразделенность уголовной и моральной ответственности была естественна на тогдашней стадии государственного и общественного развития, и к этому явлению следует подходить, не теряя чувства историзма. Среди преступных деяний наиболее тяжкими считались нарушения порядка отношений между сюзереном и вассалом, а также между родителями и детьми. Примечательно, что были созданы нормы, в которых отношениям между сюзереном и вассалом придавалось более важное значение, нежели отношениям между родителями и детьми. Есть примеры, когда антиобщественный или общественно опасный характер деяния влек за собой более тяжкое наказание по сравнению с нарушением морали, что позволяет видеть, что мир уголовного права и мир моральных норм все же не отождествлялся.

Еще одна особенность тогдашнего уголовного права состояла в том, что оно заключало в оболочку норм об уголовных наказаниях требования практически понести моральную ответственность и устранить общественную опасность. Как результат, довольно часто встречаются нормы о преступном бездействии. Здесь сказалось намерение юридически обеспечить выполнение морального долга, побудить к сотрудничеству в выполнении полицейских обязанностей в рамках пятидворок и т.п.

Что касается возраста уголовной ответственности, то лица, совершившие убийство или поджог в возрасте до пятнадцати лет, передавались родственникам, а достигшие этого возраста ссылались на отдаленные острова. Подобным же образом на одну ступень по сравнению с наказанием для взрослого сокращалось наказание за кражу. Наказание для не достигших взрослого возраста сокращалось во всех случаях, но никогда не наступало освобождения от него. Женщины, психически больные, слепые подвергались специальным мерам, либо наказание для них сокращалось, но полное освобожде-

ние от ответственности не было предусмотрено. Преклонный возраст не учитывался в этом кодексе совершенно.

В части, касающейся состава преступления, в общем проводилось деление на прямой умысел и неосторожность. При наличии прямого умысла продолжалось деление на преступление, совершенное искусно, и преступление, совершенное внезапно. Под первым понималось преступное деяние, задуманное заранее, под вторым - содеянное под влиянием эмоционального импульса. Неосторожность имела название "случайная ошибка" (кэга аямати), предусматривалось два случая - неосознанность (фунэн), т.е. тяжкая неосторожность, и неожиданность (футо), т.е. легкая неосторожность.

Больше стало оснований для обвинения в соучастии, что означало, вероятно, стремление использовать этот институт в целях полицейского контроля.

Нормы о соучастии в преступлении не содержали ясной формулировки понятия совиновничества; в некоторых случаях, когда имело место нечто похожее, наказание сокращалось по сравнению с санкцией для единоличного виновника. Обычным было деление на главарей и соучастников; наказание последних было легче. Статьи о подстрекательстве имелись для случаев поджога и убийства; наказание подстрекателя соразмерялось с наказанием виновника; наказание подстрекаемого сокращалось.

Наказание за покушение было различным в зависимости от вида преступления: в одних случаях оно предусматривалось в таком же размере, что и за оконченное преступление, в других - с сокращением.

Вопрос о необходимой обороне не нашел ясного решения, он был ограничен тем, что за убийство, совершенное устранения стремительно надвигающегося ущерба своему здоровью или жизни, наказание уменьшалось. Однако к ответственности не привлекалось лицо, совершившее убийство для защиты дочери, жены, хозяина и родителя.

Если эпоха сэнгоку и начальный период эпохи Эдо отличались жестокостью наказаний за преступления, то "со второй половины ХУП века, с годов Камбун и Эмпо, по всей стране начинается тенденция к смягчению наказаний. Она стимулировалась двумя факторами. Один из них состоял в том, что благодаря упрочению системы власти бакуфу и кланов обстановка стабилизировалась, и стало возможным не прибегать к устрашению, применявшемуся до того. Еще од-

ним фактором было то, что в качестве учения об императоре распространялось конфуцианство, стал пользоваться уважением дух милосердия, и широкий размах приобрели взгляды, согласно которым лучше было бы подчеркивать сострадание, исходящее свыше, нежели осуществлять подавление с помощью строгих наказаний." Это смягчение наказаний еще более продвинулось вперед с началом ХУШ века: "Во-первых, было отменено отрезание ушей и носа. Во-вторых, в отношении простолюдинов было ограничено вменение вины по признаку родственных отношений, и дети преступника стали подвергаться наказанию только при совершении им тяжких преступлений - убийства господина, убийства родителя и т.п. В-третьих, была запрещена высылка в другую провинцию или в другие владения. В-четвертых, было установлено, что в случае, если человек, совершивший малозначительное преступление год и более тому назад, впоследствии осознал совершенное им и не сотворил злодеяния, он не привлекался к ответственности за свое преступление... Были и другие смягчения. Большая часть этих реформ была осуществлена сёгун-ом Ёсимунэ."¹⁷

Как на доказательство жестокости эпохи Эдо нередко ссылаются на содержащееся в ст. 71-й тома 2-го Кудзиката осадамэгаки дозволение асигару¹⁸ убить горожанина или крестьянина за допущенную им грубость. Следует заметить, кстати, что в известной в нашей стране работе канадского японоведа Г.Нормана и текст соответствующей статьи кодекса, и ее номер воспроизведены неточно.¹⁹ Один из виднейших специалистов по истории японского права Исии Рёсукэ указывает на "ошибочное толкование, будто буси могли беспрепятственно убивать простолюдинов" и напоминает, что "этот буси подвергался расследованию у бугё²⁰ и признавался невиновным лишь тогда, когда выяснялось, что данный горожанин или крестьянин действительно допустил оскорбления или иную грубость" (положение о расследовании содержится в статье 71-й).²¹

Исии Рёсукэ делит правовую историю эпохи Эдо на два этапа - до и после появления Кудзиката осадамэгаки. На втором этапе сложились институты, направленные на то, чтобы побудить преступников к раскаянию. Во-первых, было введено прекращение преследования за ранее совершенное преступление. Если преступник после совершения одного преступления не совершил другого и не был причастен к

преступной деятельности, причем в течение года не был разыскан, он становился не подлежащим наказанию. Таким образом ему давался год на отказ от преступной жизни (выше эта новация отмечена как элемент политики смягчения наказаний). Во-вторых, распространилась амнистия, которая вначале применялась лишь к сосланным на дальние острова, поскольку срок этой ссылки не устанавливался. В третьих, в 1790 г. бакуфу организовало нинсоку ёсэба - учреждение куда помещались бездомные, а также преступники, совершившие малозначительные преступления; содержащиеся там лица привлекались к физическому труду, что должно было способствовать их перевоспитанию.

Принимались меры к распространению правовых знаний среди населения.

Тот факт, что текст Кудзиката осадамэгаки был направлен только лишь трем бугё, Исии Рёсукэ объясняет опасениями бакуфу, не вызовет ли смягчение наказаний, заложенное в кодекс, рост преступности. В дальнейшем режим секретности кодекса был ослаблен, копии второго тома имелись даже у нануси,²² простой народ получал представление о содержании кодекса на практике; однако бакуфу до конца считало текст не подлежащим оглашению. Когда в 1798 году был принят акт о нормах, определяющих наказания лиц, содержащихся в нинсоку ёсэба, в этом акте специально указывалось, что названные лица должны быть осведомлены о нормах относительно наказаний. Как пишет Исии, "в это время и бакуфу, вероятно, пришло к мысли о том, что было бы лучше обнародовать нормы об уголовных наказаниях."²³

"Для того, чтобы обеспечить знание и соблюдение нормативных актов в пятидворках, с эры Сёо²⁴ в каждую деревню были доставлены тонкие книжки под названием "Гонингумитё дзэнсё" и "Гонингуми осииокитё", в которых были записаны нормативные акты. Регулярно один или несколько раз в году нануси собирал всех крестьян, зачитывал им вслух эти акты, собирал подписи от каждого крестьянина и представлял дайкану или дзито.²⁵ ... Эти "дзэнсё" использовались как подручное средство для обучения каллиграфии и в качестве учебных пособий в тэракоя,²⁶ чтобы распространять знания нормативных актов и воспитывать в духе их соблюдения."²⁷

Достаточно спокойный ход мэйдзийских преобразований, включая правовую реформу, и их впечатляющие резуль-

таты во многом были обусловлены тем, что значительная часть позитивного духовного и организационного потенциала, накопленного в токугавской Японии, была унаследована государством и обществом эпохи Мэйдзи. Такая общественно полезная преемственность зачастую проявлялась в тех фактах ранне-мэйдзийской действительности, которые нередко интерпретируются как всего лишь архаичные пережитки, тормозившие процесс обновления. Мы имеем в виду отказ от открытой публикации Временного уголовного закона (Карикэйрицу), явный "токугавский" оттенок Нового уголовного закона (Синрицу корё), создание традиционного по форме правительства (Дадзёкан), сохранение кланов, невысокую скорость распространения реальной власти центра на периферию и т.п. На наш взгляд, все это - не столь тормозящее, сколь постепенность, позволявшая максимально смягчить социальные потрясения, не допустить и малой дозы революционной поспешности, не растерять национальное достояние, собиравшееся веками.

Здесь полезно привести высказывание японской исследовательницы Хираи Ацуко о том, что "законодатели периода раннего Мэйдзи столкнулись с особыми трудностями, когда перед ними встала задача модернизировать юридические кодексы страны в свете не только западных стандартов нового времени, но также и японских традиций".²⁸ В качестве примера Хираи демонстрирует судьбу сёгунского эдикта 1736 года - основного из эдиктов буккирё, устанавливавших число дней, в течение которых государственный служащий и его семья должны были соблюдать траур по усопшему родственнику, охранять его тело от осквернения и воздерживаться от появлений на публике, особенно на службе.

Как пишет Хираи, "эдикт выражал идеи давно прошедших лет, когда медленное, простое течение времени формировало среду обитания людей. Трехлетний траур являлся нормой для архаичного Китая и был возможен в Японии в период до модернизации. ... Но все это изменилось, когда Япония внезапно проснулась в империалистическом мире середины XIX в." По ее словам, "главная сила, подрывавшая интегрирование эдикта (в новое законодательство - В.Е.) состояла не в западной философии права, разделяющей право и мораль. Вторжение прежде всего было совершено благодаря повседневной военной и политической необходимости, и внутренней, и международной, обеспечить выживание Япо-

нии, как и мэйдзийского режима. В таких условиях правительство вряд ли могло позволить себе потери для государственной службы, связанные с требующими времени религиозными процедурами."

Таким образом императив эпохи учитывался, но подход был не настолько прагматичным, чтобы пожертвовать традиционными нормами морали. Проблема была решена путем компромисса. В принципе "японцы, пусть через заднюю дверь, придали силу закона мысли Монтескье, великого французского юриста и профессионального прародителя их советников-правоведов, о том, что нация имеет общий дух, которому ее законы должны идеально соответствовать." Однако "через заднюю дверь" означает в данном случае, что нормы, касающиеся траура по подданным императора, не были включены в законодательство, где упоминались лишь дни траура по членам императорской фамилии. "Мэйдзийский дом токугавского эдикта о трауре и воздержании от выходов на публику был и более скромнее, и более величествен, чем его предыдущее жилище. Траур внутри семьи охватывал более близких родственников, следовательно, в меньшем числе по сравнению с временами сёгуната. Кроме того, продолжительность траура и воздержания от выходов на публику была сокращена. Акцент был перенесен на дни периодической заупокойной службы в течение многих лет после смерти. С другой стороны, император, его семья и предки были прославленными обитателями этого дома вместе с "подданными" - японским народом. Вся нация погружалась в траур, когда умирали родственники императора. Дни памяти его родителей и предков стали днями национальных богослужений."²⁹ Юридическая закреплённость поминовения членов императорской фамилии была как бы сигналом, напоминающим о сохранении соответствующей моральной нормы и в отношении подданных.

Не будет преувеличением сказать, что новое государство и право, качественно отличные от токугавских, сложились в Японии через 20-30 лет после реставрации Мэйдзи. При этом определенные до-мэйдзийские социальные ценности остались в государственных правовых институтах и явлениях, претерпев переработку, модернизацию, приспособление к изменениям в жизни общества и государства. Было бы заблуждением одномерно оценивать реалии эпохи Эдо по сравнению с мэйдзийскими как отжившие, архаичные, требующие заме-

ны, находить в токугавской действительности "прямо" реформаторские и "прямо" консервативные силы и тенденции, видеть в мэйдзийских преобразованиях только реализацию требований социального прогресса. И японское общество эпохи Эдо, и японское общество эпохи Мэйдзи слишком сложно для того, чтобы их разбирать столь формально, механистически.

Таким образом, мэйдзийская правовая реформа и реставрация Мэйдзи в целом представляют собой поучительный исторический пример перехода общества в новое качество, значительно отличающееся от предыдущего, но тем не менее перехода эволюционного, почти ненасильственного, достаточно растянутого во времени, не связанного с перечеркиванием позитивного наследия предыдущего общественного развития. Так уж рассудила история, что некоторые внешние факторы ускорили внутренние перемены в стране, однако эти перемены были подготовлены всем социальным прогрессом, имевшим место ранее, и явились его продолжением.

¹ См. Еремин В. Правовая реформа как часть преобразований в послевоенной Японии (исторические корни и социально-политическая роль). В кн.: Япония: лики страны в разные времена. М., 1994, с. 116-152.

² Система подчиненности кланов (хан) центральному правительству (бакуфу) при сохранении за кланами определенной самостоятельности.

³ "Воюющие государства" (сэнгоку) - феодальные образования, ведущие вооруженную междоусобную борьбу; эпоха "воюющих государств" продолжалась в Японии примерно сто лет - с середины XV по середину XVI вв.

⁴ Маруяма Масао. Тюсэй то хангяку (Верность и измена). Токио, 1992, с. 163.

⁵ Представители военно-служивого сословия общества, вооруженные вассалы крупных феодалов.

⁶ Конец эпохи Токугава.

⁷ Маруяма Масао. Тюсэй то хангяку, с. 167-168.

⁸ Там же.

⁹ См.: Brown Philip C. Central Authority and Local Autonomy in the Formation of Early Modern Japan: The Case of Kaga Domain. Stanford, 1993.

¹⁰ Даймё - крупные феодалы.

¹¹ Инаба Мицухико. Корэйся фукуси-но рзкиситэки тэнкай-ни цуйтэ (Об историческом развитии обеспечения благосостояния предста-

рельх). - Хогаку Кэнкю (Кэйю гидзюцу дайгаку хогакубу най хогаку кэнкюкай). 1996, т. 69, №1, с. 326.

¹² Такаянаги Синдзо. Нихон хосэй си (История японского законодательства). Т. 1. Токио, 1955, с. 257. Обычное право - состоящее из обычаев, статутное - создаваемое уполномоченными на то органами.

¹³ Такаянаги Синдзо. Нихон хосэй си, с. 257. Мура - сельская административно-территориальная единица, мати - городская.

¹⁴ Маки Хидэмаса, Фудзивара Акихиса (ред.). Нихон хосэй си (История японского законодательства). Токио, 1995, с. 186.

¹⁵ Такаянаги Синдзо. Нихон хосэй си, с. 257.

¹⁶ Общая превенция - предупреждение совершения первичных преступлений (в том числе путем устрашения); специальная превенция - предупреждение совершения повторных преступлений (в том числе путем перевоспитания).

¹⁷ Маки Хидэмаса, Фудзивара Акихиса (ред.). Нихон хосэй си, с. 224. Камбун - 1661-1673, Эмпо - 1673-1681.

¹⁸ Асигару - самый низший ранг буси.

¹⁹ Норман Герберт. Возникновение современного государства в Японии. М., 1961, с. 169.

²⁰ Бугё - высокопоставленный чиновник.

²¹ Исии Рёсукэ. Нихон-но рэкиси-о ёмитоку (Читая и объясняя историю Японии). Токио, 1993, с. 118-119.

²² Нануси - сельский староста.

²³ Исии Рёсукэ. Нихон-но рэкиси-о ёмитоку, с. 121.

²⁴ Сёо - 1288-1293.

²⁵ Дайкан - правитель земли, непосредственно подчиненной бакуфу или главе клана. Дзито - управляющий.

²⁶ Тэракоя - храмовые школы для детей ремесленников, бедных самураев и богатых крестьян, где обучали грамоте, счету и ручному труду.

²⁷ Такаянаги Синдзо. Нихон хосэй си, с. 271.

²⁸ Hirai Atsuhiko. Law and Morality in Early Meiji Legislation: The Case of the Edict on Mourning and Abstinence. - Хогаку Кэнкю (Кэйю гидзюцу дайгаку хогакубу най хогаку кэнкюкай). 1996, т. 69, №1, с. 569.

²⁹ Там же, с. 568-569.

МЭЙДЗИЙСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

В середине XIX в. перед Японией встала альтернатива - быть или не быть независимой страной, способной встать вровень с развитыми в то время государствами. Это был период, когда складывалась мировая капиталистическая система, и развитые страны насильственно втягивали в нее все остальные. Азиатские государства оказались не способными ответить на этот вызов Запада и обрели судьбу колоний и полукolonий. Единственным путем избежать этого было проведение коренных революционных преобразований, что и было сделано в Японии. Этому способствовало и отвлечение сил основных европейских держав и США борьбой в колониях и в своих странах.

Накануне насильственного открытия страны японское общество по многим параметрам находилось в кризисном состоянии, которое характеризовалось социальным разложением, экономической стагнацией и политическим безволием правящей элиты. В стране складывалась революционная ситуация. "Революция совершается только в ... обществе закостеневшем и потерявшим свою политическую и социальную энергию... Революция - это то, что следует за вырождением общества... как новая жизнь, как новая энергия, как новое начало... Она не может возникнуть в здоровом и полноценном обществе. В таком обществе она просто не будет иметь никакого смысла"¹.

Для успеха кардинальных преобразований в изолированном обществе с жестко регламентированным укладом жизни и хозяйственной деятельности существовали определенные предпосылки. Известный японский социолог Наканэ Тиэ, склонная к образному мышлению, пишет, что "колеса к повозке были сделаны задолго до модернизации; требовалось только сменить тип седока и направление движения"².

Правящая элита выдвинула в качестве "направления движения" концепцию "вакон-ёсай" (японский дух - западная техника). И настойчиво проводило ее в жизнь, ибо понимало, что только усвоив достижения западной науки и тех-

ники, оно сможет отстаивать независимость страны и таким образом свои привилегии. Но усвоение западных достижений несло с собой опасность разрушения всей старой системы. Отсюда появление лозунга "изгнание варваров", который классик современной японской философии Маруяма Масао оценивает как проявление начальной стадии национализма. По его словам, вообще японский национализм возник в ответ на давление со стороны стран Запада. "Когда национальная иерархическая структура начала вписываться в горизонтальные международные связи, - пишет Маруяма Масао, - то проблемы внешних отношений свелись всего к одной альтернативе - завоевать или быть завоеванной"³.

В процессе реализации многомерной формулы вако-ёсай одни ратовали за внедрение только западной техники, не касаясь духовной сферы, другие признавали заимствование техники и общественных наук, третьи считали, что для овладения всей совокупностью европейской цивилизации необходимо изменение мировоззрения, подготовки общественного мнения к восприятию новых идей. Но воспринимая и пропагандируя западные идеи, никто не отрицал традиции. Более того многие выбирали из европейского опыта именно те идеи, которые соответствовали японской действительности с ее духовным, этическим началом, унаследованным от конфуцианства. Даже во взглядах просветителя, наиболее яркого приверженца западного мировоззрения Фукудзава Юкити (1835-1901) заметно сильное влияние установок конфуцианства. То же можно сказать и об ученом Ниси Аманэ (1826-1894), который проповедовал западную философию в Японии и одновременно отстаивал самурайскую идеологию в новой армии. Общим устремлением в японском обществе в то время было создание сильного независимого государства, способного не только противостоять европейским странам, но и стать вровень с ними.

В Японии накануне реставрации Мэйдзи стабильность поддерживалась относительно сильной властью сёгуна, а политическая преемственность и духовное единство - идеей божественного происхождения нации, персонифицированной в императоре.

Поэтому реставрация императорской власти была вполне логическим итогом борьбы националистических сил страны с уже изжившим себя тоталитарным феодальным режимом сёгуната, борьбы против угрозы потери национальной

независимости, в ходе которой реализовывался лозунг "богатая страна - сильная армия" (фукоку-кэхэй). Император был своеобразным знаменем возрождаемого самосознания, символом национального единства. Духовным орудием новой власти стал государственный синто, во многом способствовавший становлению империалистической Японии. В отличие от народного в нем был очень силен идеологический аспект - почитание императора. Возрождение синто имело не только сугубо религиозную окраску, но несло и существенную политическую нагрузку. Основанное на территориальном принципе адептов, синто содействовало реализации политических целей по сплочению нации и укреплению японской государственности на основе религиозного сознания.

Приход в правительство представителей феодальной знати, торгово-ростовщического капитала, а не буржуазии, которая была еще политически очень слаба, предопределили специфику капиталистического развития страны при сохранении значительных феодальных пережитков (натуральная арендная плата в деревне, помещичья собственность на землю, полуфеодальные условия труда на предприятиях). Поэтому реформы, проведенные новым помещичье-буржуазным правительством, оказались достаточно ограниченными.

В ходе их реализации были упразднены феодальные княжества и создана современная административная система, упразднены сословия, ликвидирована феодальная собственность на землю, появился новый класс землевладельцев, была проведена реформа поземельного налога. Кроме того были отменены ограничения на выбор профессии и места жительства, ликвидированы цехи и гильдии, разрешено производство любых сельскохозяйственных культур, объявлена свобода торговли, передвижения людей и перевозки товаров, введена единая денежная система.

Отставание от европейских стран особенно ощущалось в области техники и технологии, и именно в этой сфере динамично пошел процесс модернизации. Усвоение западной науки и техники стало государственной политикой. При этом из иностранного опыта использовалось лишь то, что отвечало, по мнению правящих кругов, потребности страны, приоритет отдавался военной промышленности. Превосходство Запада именно в этой области было весьма чувствительным в Японии, где статус военных с феодальных времен был чрезвычайно высок. В значительной степени эта политика была

адекватной создавшейся ситуации ввиду слабости Японии и реальной угрозы вторжения западных стран и возможности потери национальной независимости. Чтобы избежать этого, с прямым призывом к милитаризации страны обращались и японские просветители. В частности, Ёкои Сёнан (1810-1869) считал необходимым начать немедленное создание военно-морского флота и провести милитаризацию страны. Постепенно социально-экономическое развитие все больше принимало характер милитаризации.

Осуществлению технико-экономической модернизации способствовали не только материальные предпосылки, созданные в феодальную эпоху, но и существовавшие в то время социальные структуры. В первую очередь речь идет о вертикальном построении японского общества с принципом иерархического социального порядка, системе из, уважении старшинства, лояльности к вышестоящим, дисциплинированности, готовности подчинить личные интересы интересам нации.

Правящая элита умело использовала конфуцианские идеи социальной гармонии, стиль поведения в системе иерархии. Конфуцианское понятие лояльности широко использовалось для абсолютизации лояльности государству в лице императора. В этом контексте конфуцианская идея подчинения старшему трансформировалась в беспрекословное подчинение интересам государства в большей степени чем семьи. И эта идея стала серьезной опорой национализма и милитаризма. Немаловажное значение имела этническая однородность японцев с их обостренным чувством принадлежности к своей нации. Одним словом, был использован весь накопленный в японском обществе материальный и духовный потенциал.

Духовная жизнь, как наиболее консервативный компонент традиционной культуры, подвергалась гораздо меньшим изменениям. Правящие круги в известной мере целенаправленно стремились законсервировать традиционные духовные ценности, как противовес чрезмерному проникновению западных влияний. Однако успешное освоение достижений западной науки и техники было, естественно, невозможно без овладения в значительной мере и духовными ценностями западного общества. При этом и в интеллектуальной области прежде всего использовались идеи, нацеленные на развитие

экономики. В целом в обществе произошел всплеск интеллектуальной жизни.

В стране закладываются основы коренной перестройки, затрагивающей не только производство, но и политику, науку, образование, право, все области культуры, календарь, нормы поведения, обычаи, моду (неизменным оставались, похоже, лишь письменность и религия). Однако здесь итоги преобразований были гораздо скромнее. Например, несмотря на введение представительных органов власти, избирательное право распространялось на очень ограниченное число лиц, кабинет министров нес ответственность не перед парламентом, а перед императором; особа императора была объявлена "священной и неприкосновенной", ему были предоставлены неограниченные права главы государства, конституция была наименее демократической. По удачному выражению английского социолога Дж.Фалчера, она была принята для придания Японии респектабельности в глазах Запада.

На пути развития демократии в мэйдзийский период серьезным препятствием встала существовавшая в стране иерархическая семейная система, основанная на беспрекословном подчинении лидеру, что проецировалось на производство и государство в целом. Даже появляющиеся западные нововведения наполнялись национальным содержанием. Достаточно упомянуть тайный совет при императоре, функционировавший в условиях парламентаризма. Социальный климат в стране определялся военно-полицейским режимом, националистической идеологией. Агрессивность стала главным направлением в политике правящих кругов. По своей сути демократические принципы ограничивались лишь радикальной платформой "движения за свободу и народные права", а представительные демократические институты были таковыми лишь внешне. И все-таки это был огромный прорыв в будущее.

Проведенные реформы значительно ускорили развитие экономики. В деревне посевная площадь, размеры которой в течение ста пятидесяти предшествующих лет оставались фактически неизменными, выросла к концу 80-х годов на 40%, а объем производства сельского и лесного хозяйства за 20 лет после аграрной реформы (1873 г.) увеличился более чем в 3,5 раза; стоимость вывоза шелка-сырца, одного из основных экспортных товаров - в 6 раз⁴. Только за два десятилетия было создано больше промышленных предприятий, чем

за четыре века до этого. В Японии появляется то, чего прежде абсолютно не было. Впервые прокладываются железные дороги, проводятся телефон и телеграф, импортируются автомобили, суда, строится современный флот. Основным источником финансирования служили поступления в бюджет от поземельного налога, обеспечивавшего в последней четверти XIX в. до 80% его расходной части.

По ходу модернизации, очень медленно, но все же начинает меняться привычный иностранцам облик Японии, как "страны хризантем". В центральной части крупных городов среди традиционной застройки пока еще инородными вкраплениями просматриваются многоэтажные европейские здания. Они возводились по проектам иностранных и отечественных архитекторов. В 1887 г. строится первое здание парламента (нынешнее было закончено в 1936 г.), в то время самое высокое здание Японии. В 1894 г. начинается застройка делового центра Токио-Маруноути в викторианском стиле, а завершается в 1923 г. сооружением административных зданий на американский манер; в 1895 г. было закончено строительство министерства юстиции; в 1896 г. японский архитектор Кинго Тацуно возводит здание Банка Японии, он же автор проекта Токийского вокзала, построенного в 1914 г. Уже с начала века японские и западные архитекторы начинают разрабатывать принципы постройки антисейсмических зданий с использованием железобетонных конструкций с железным каркасом.

Западный образ жизни входил в Японию с первыми 197 номерами телефонов в 1890 г., первой междугородной телефонной связью между Токио и Осака в 1899 г., с импортом первых автомобилей в 1900 г., с первой трамвайной линией между токийскими районами Симбаси и Синагава в 1903 г. (в следующем году трамвай окончательно вытеснил конку), с прокладкой в 1906 г. первого подводного телефонного кабеля между Японией и США, с электрификацией около 70% жилого фонда к 1922 г. (отсчет идет с 1887 г.), с первой 2,6-километровой линией метро между столичными районами Уэно и Акасака в 1927 г.

Но в масштабах страны этот процесс шел настолько медленно, что еще в начале 20-х годов много ездивший по азиатским странам известный немецкий писатель Б.Келлерман, убежденно заявил: "И... сегодня, завтра и через сотню лет... не произойдет никаких перемен"⁵.

Катализатором духовной жизни в после-мэйдзийский период стала печать. Именно с этого времени появляются ежедневные газеты. Первой из них стала "Июкогама майнити симбун" (1870 г.), затем добавились "Токио нитинити симбун" (1872 г.), "Осака майнити симбун" (1888 г.). Слившись в 1943 г., они создали одну из крупнейших современных газет "Майнити симбун". С тех же времен ведет свое происхождение "Июмиури симбун" (1874 г.), имеющая сейчас самый большой тираж. В 1897 г. появилась первая англоязычная газета "The Japan Times", популярная и по сей день. К концу прошлого века на японском языке выходило 745 периодических изданий.

Полнокровное приобщение к западной цивилизации было невозможно без проведения крупномасштабной реорганизации системы образования и просвещения в целом. Традиционное обучение уже не соответствовало требованиям времени. Образование, являющееся важным фактором для объединения страны, требовало централизованного контроля над ним. С этой целью в 1870 г. было создано министерство просвещения, а в 1872 г. принят закон об образовании, предоставивший равные возможности его получения представителям всех сословий, мужчинам и женщинам. Новая система образования (начальные, средние, высшие и технические школы) уже не была жестко увязана с каким-либо социальным слоем. Равенство возможностей получения образования и его высокий уровень препятствовали в какой-то мере расслоению общества. С 1886 г. было установлено обязательное четырехлетнее начальное образование. С 1900 г. - бесплатное, а с 1908 г. его срок был продлен до шести лет. Затраты государства в Японии на общее и техническое образование в XIX в. были выше, чем в других странах. В конце XIX - начале XX вв. на образование шло до 1/3 расходов местных бюджетов. Успехи Японии на этом поприще были столь велики, что на парижской выставке 1878 г. ей была присуждена первая премия за организацию школьного дела. Начальное обязательное образование в конце XIX в. получило до 90% мальчиков и 80% девочек. Почти стопроцентным для всех детей оно стало в начале 20-х годов XX в.

В основу преподавания в школах был положен утилитарный подход, согласно которому, получая образование для себя, каждый одновременно обогащал и общество. Министерство просвещения осуществляло строгий контроль, вводя

стандарты на все, что касалось учебного процесса и его организации.

На первых порах школьные программы были откровенно прозападными. Преподавание важнейшего традиционного предмета - морали отошло на задний план. Западная система в образовании поддерживалась государством как необходимый фактор осуществления модернизации и индустриализации, но вызывала, естественно, недовольство сторонников национальной системы воспитания. Уже с 80-х годов возвращаются националистические настроения. В соответствии с упоминавшимся рескриптом о воспитании в школах вновь воцаряется "дух Ямато", снова наиважнейшим предметом становится конфуцианская этика, вводится цензура на учебники, а на их страницах появляются назидательные рассказы из мифологизированной истории страны. Например, вплоть до второй мировой войны в учебниках по истории для начальных школ в качестве героя нации, как идеал, к которому должна стремиться молодежь, готовая отдать свою жизнь служению трону, изображался Кусуноки Масасюгэ. Он был одним из военачальников, сыгравших большую роль в борьбе императора Годайго против дома Ходзэ (XIV в.).

Помимо государственных создавались частные учебные заведения. Например, до сих пор в центре Токио, в квартале Минами Адзабу функционирует женская средняя школа, учителем которой была дочь известного политического деятеля эпохи Мэйдзи Итагаки Тайсукэ. Сейчас это комплекс средней школы (первой и второй ступени) и специальной. По традиции здесь большое внимание уделяется изучению английского языка. В школе учатся много иностранцев и дети японцев, вернувшихся из длительных зарубежных командировок.

Многие из частных школ впоследствии стали известными университетами. Например, престижный современный университет Кэйо ведет свою родословную от частной школы Фукудзава Юкити, не менее престижный университет Васэда - от Токийской специальной технической школы; университет Рицумэйкан появился усилиями крупнейшего политического деятеля мэйдзийской эпохи Сайондзи Кимоти.

В это же время появляются и государственные университеты. В 1877 г. был создан Токийский государственный университет, позже (1886 г.) получивший наименование императорского, а после второй мировой войны вновь ставший

"государственным". Затем были созданы университеты в городах Киото (1897), Сэндай (1907), Фукуока (1910), Саппоро (1919).

Движущей силой развития системы образования, как и при решении других общенациональных проблем, была межрегиональная конкуренция за высокий уровень обязательного образования, за строительство школ и создание высших учебных заведений. Эта конкуренция не была деструктивной, а была направлена на лучший результат достижения одной цели.

Образование обеспечивало высокий социальный статус, служило гарантией получения государственной должности, и поэтому оно оставалось неизменной ценностью в обществе. Главной особенностью японской системы, были жесткие вступительные экзамены при переходе в учебное заведение более высокого уровня. Такая система гарантировала поступление, в основном, наиболее способных людей.

Тем не менее, несмотря на серьезные перемены в сфере образования и большие достижения в усвоении западного опыта, в целом общество не становилось открытым, по типу европейских. Идеи японизма по-прежнему служили делу консолидации населения в едином "государстве-семье" во главе с императором. И эта политика была достаточно эффективной.

Характерной чертой модернизации в этот период являлось осуществление ее сверху, через элиту нации. Широкие массы населения не сталкивались непосредственно с представителями западной цивилизации. Новые знания они получали переведенными на японский язык. Поэтому даже быстрая европеизация не порождала у основной массы населения сильного чувства отторжения. Кроме того, некоторые западные воззрения были близки японским традиционным концепциям. В частности, японское дзицугаку отнюдь не противоречило европейскому принципу полезности, основанному на позитивизме.

Тем не менее в процессе модернизации отчетливо проявились своего рода приливы и отливы. В первые два десятилетия после реставрации царил эйфория по отношению ко всему западному. Появился даже девиз - "уйти с Востока и присоединиться к Западу". Поистине это была подлинная вестернизация, когда все западное считалось хорошим, а все восточное - не стоящим внимания. Даже Фукудзава Юкити писал в то время с осуждением: "Сейчас так называемые

просветители, а за ними и тысячи других людей, которые даже толком не разобрались в том, каковы отличительные черты жизни на Западе, проповедуют и безоговорочно признают безусловное превосходство Запада во всем"⁶.

Однако и во время увлечения Западом отношение к его ценностям представителей различных слоев не было однозначным. Правящие круги воспринимали вестернизацию исключительно прагматически, отвергая западный либерализм англо-американского типа. Идеи европейского либерализма получили довольно значительное распространение среди части политических лидеров. Либералы находились в оппозиции правительству, ибо они хотели, чтобы оно сотрудничало с политическими партиями и парламентом. Свообразие японской либеральной оппозиции состояло в том, что ее возглавляли не представители буржуазии, а либерально настроенные помещики, бывшие отчасти и предпринимателями.

Представители старой феодальной знати в большинстве своем вообще не признавали ничего нового, что несла с собой европеизация, а общественные деятели националистического толка были настроены достаточно иронично. Но в целом первое поколение, вступившее на путь модернизации, отнюдь не боялось потерять свою самобытность, будучи твердо уверенным в своей неизбывности.

Но с конца века нарастает внутренний протест, по большей части националистически настроенных сил против вестернизации, прежде всего, в духовной сфере, за возрождение национальных вековых традиций, в защиту традиционных культурных ценностей. Т.е. как и прежде происходило объединение казалось бы несовместимых вещей - европеизации и сохранения национальных элементов.

Интересная оценка этого этапа модернизации была в свое время дана академиком Н.И.Конрадом: "...развитие процесса европеизации Японии есть развитие так называемого просветительного движения в первую очередь. Просветительная работа - таково было первое время основное направление деятельности "идеологического отряда" новой буржуазии... Она имела совершенно четко поставленные, вполне конкретные задания, вернее - одну двустороннюю задачу: борьбу с феодальными порядками во всех областях, с одной стороны, и агитацию за капиталистический строй во всем его объеме - от технической стороны производства до мировоззренческих вопросов - с другой.. Просветительное движение было одним

из важнейших орудий в борьбе новой буржуазии за установление своего строя, наилучшим средством самовооружения. И поскольку... капиталистический строй... был в основе своей тем же, на который Европа прочно вступила с конца ХУШ века, поскольку свое конкретное содержание это просветительное движение, естественно, черпало у Запада"⁷. Причем в первые послереволюционные десятилетия Запад ассоциировался с Англией и США, а позже - с Германией.

Особо следует отметить исключительно важное значение государства в процессе модернизации, после реставрации. Мэйдзийское правительство действовало весьма активно, что отличало его от предшественника - бакуфу. Последнее тоже осуществляло модернизацию общества, но делало это весьма пассивно и ограничивалось лишь военной сферой, хотя ростки ее пробивались и в других областях.

Государство построило крупные промышленные предприятия, которые в большинстве своем затем отдало на откуп частному капиталу, а само сосредоточилось на военном производстве. Ему принадлежали военные заводы, судовой флот, военно-морской флот и большая часть из проведенных к 1913 году железных дорог (начало их строительства было положено в 1872 г.). Новые предприятия строились по образцу западных. Правительство приглашало иностранных специалистов для организации работы на этих предприятиях и обучения японского персонала. Оно укрепило денежное обращение, модернизировало налоговую и бюджетную системы, обеспечило политическую стабильность.

Однако при всей важной роли государства, заложившего мощный фундамент для экономического взлета страны, ведущая роль в модернизации принадлежала все же частному предпринимательству, которое существовало еще в токугавский период. Тем не менее и по сей день во многих странах, которые хотели бы повторить японский путь развития, склонны преувеличивать или даже абсолютизировать роль государства на этом пути. Именно от этой переоценки их предостерегает Э.Рейшауэр⁸, за что он, в частности, в свое время подвергся необоснованной критике японских коммунистов.

Важной особенностью модернизации в стране было то, что носители новых экономических отношений были в значительной степени выпестованы протекционистской политикой государства. Кроме того, поскольку буржуазия была еще

очень слаба, ведущую роль в осуществлении модернизации сыграла бюрократия, социальный престиж которой всегда был в стране весьма высок, что привлекало в ее ряды способных людей. Японская бюрократия воспитывалась на конфуцианских принципах, признававших единство этики и политики в государственных делах, что в японском варианте конфуцианства проявилось в политической верности. Поэтому бюрократия была достаточно надежной и в значительной степени некоррупционной. В период Мэйдзи бюрократизация стала одной из организационных принципов государственного управления. Это происходило одновременно с усилением роли государства в жизни общества, с проникновением бюрократии не только в правительство, но и во все сферы жизнедеятельности страны.

Правительственная бюрократия в свою очередь легко находила общий язык с либерально настроенными помещиками, аристократами и предпринимателями. Отсюда возможность компромиссов и незначительная ниша для развития подлинной демократии и буржуазного индивидуализма. Именно благодаря наличию в правящей элите высококвалифицированной бюрократии, имеющей давние традиции, модернизация проходила достаточно успешно. Однако корпоративный характер общества сказался на ведомственной ограниченности государственных чиновников, что негативно сказывается на их деятельности и в настоящее время.

К концу века Япония заявила о себе как о крупной империалистической державе, стремящейся занять полноправное место среди развитых стран мира. Последующий ход событий в стране и ее внешнеполитические устремления свидетельствовали о пассионарности японского народа⁹.

В целом процесс модернизации, как видно из вышесказанного, шел достаточно успешно. По абсолютно справедливому замечанию Э.Рейшауэра, этот период ученичества у Запада сравним лишь с великой эпохой тысячелетней давности, когда японцы усваивали китайскую цивилизацию¹⁰. К этому можно добавить, что во второй половине XIX века этот процесс был более масштабным, систематическим и шел ускоренными темпами.

Многие стороны западной цивилизации усваивались японцами уже в силу того, что они пошли по пути модернизации, а не потому лишь, что это было что-то западное. Мо-

дернизация требовала адекватных ей изменений, как в экономике, так и в быту.

Едва ли можно переоценить "благодатную" роль для развития Японии победоносных войн 1893-1894 гг. с Китаем, 1904-1905 гг. - с Россией и успешное участие в первой мировой войне.

Вступление Японии на путь ускоренной модернизации, таким образом, было объективной экономической необходимостью, и конечно, не было лишь, по выражению японского историка Иэнага Сабуро, "политическим капризом" правительства¹¹. Также закономерным было осуществление этой модернизации по пути наращивания военного потенциала. Такой ход развития детерминировался агрессивной внешней политикой, которая отвечала интересам военных кругов и крупного капитала. Подобная направленность внешней политики в условиях того времени было, пожалуй, единственным путем для Японии стать державой мирового ранга. Более того, военные успехи страны довольно основательно подпитывали ее экономическую модернизацию.

Политический климат в стране был под стать милитаризирующейся экономике. Несмотря на функционирование политических партий различной идеологической ориентации и деятельность парламента, на определенный подъем рабочего и профсоюзного движения в 20-е годы, постепенно в правящих кругах все больше брали верх наиболее агрессивные элементы. Это привело в годы, предшествующие второй мировой войне, к репрессиям против всех демократических сил, к запрету политических партий, большинства общественных организаций и профсоюзов. Жизнь общества подчинялась единой сверхзадаче - служению трону, утверждению японской нации как единственной и уникальной. Для достижения этой цели пропагандировались идеи безграничной преданности императору, средневековые традиции самурайства, лозунги панasiatизма, идеологически обрабатывались не только военнoслужашие, но и все население.

В условиях милитаризации страны создавались новые организационные структуры, способствующие достижению поставленной сверхзадачи. В частности, вместо "самораспустившихся" профсоюзов создаются общества служения отечеству через производство. В эти организации входил весь персонал предприятия, а председателем, как правило, становился президент компании. Основная идея создания

таких обществ состояла в проповеди патернализма и классового мира, а также подчинении всех ресурсов (в первую очередь человеческих) целям производства и войны.

Достижения японской экономики обеспечивались ценой непомерной эксплуатации трудящихся масс. Уровень заработной платы наемных работников был в несколько раз ниже, чем в западных странах. Развитие производства не вело за собой улучшения положения основной массы работников, что было бы естественным в период экономического подъема, и даже не стабилизировало их доходы, которые обесценивались в процессе инфляции. Условия труда были чрезвычайно тяжелыми - рабочий день длился в среднем не менее 14 часов, социальная защита была мизерной, трудовое законодательство - далеко несовершенным, здравоохранение - недостаточным, питание - скудным, смертность, особенно детская, - весьма высокой, продолжительность жизни - одной из самых низких в сравнении со странами Запада. Уровень и образ жизни японцев, несмотря на многие заимствования, был исключительно далеким от европейских стандартов. Такое положение в значительной степени являлось следствием сохранения сильных феодальных пережитков в экономике и политике, курса правящих кругов на милитаризацию страны.

Развитие Японии по вышеописанной модели привело ее к логическому концу - сокрушительному поражению во время второй мировой войны. Такое развитие событий подтверждает вывод Л.Н.Гумилева о том, что "импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака - пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков"¹². Поражение милитаристской Японии было не просто военным поражением, а крахом политической и социально-экономической системы.

¹ А. Дугин. Консервативная революция. М., 1994, с. 337, 338.

² Nakane Chie. Japanese Society. Tokyo, 1987, с. 119.

³ Maruyama Masao. Thoughts and Behaviour in modern Japanese Politics (пер. с япон.). London, 1969, с. 140.

⁴ Тобата Сэйити, Уно Кодзо. Нихон сихонсюги то ногэ (Японский капитализм и сельское хозяйство). Токио, 1959, с. 57; Ногэ сого канкю, 1960, № 3, с. 116.

⁵ Бернгард Келлерман. Страна Хризантем. Л.-М., 1924, с. 16.

⁶ Цит. по: Ю.Д.Михайлова. Общественно-политическая мысль Японии. М., 1991, с. 74.

⁷ Н.И.Конрад. Япония. Литература. М., 1984, с. 385.

⁸ E.O.Reischauer. Japan. The Story of a Nation. N.Y., 1970, с. 134.

⁹ Л.Н.Гумилев, введший этот термин в употребление, определяет его как "потребность и способность изменять окружающую среду" (Л.Н.Гумилев. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993, с. 509).

¹⁰ E.O.Reischauer. Цит. соч., с. 135.

¹¹ Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1970, с. 190.

¹² Л.Н.Гумилев. Этногенез и биосфера земли. М., 1989, с. 258.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЯПОНИИ

Изменения, происшедшие в Японии за последние сто с лишним лет, настолько стремительны и впечатляющи, как в целом, так и в деталях, что не верится, будто книги, написанные о ней в конце XIX века европейскими учеными, путешественниками и дипломатами, относятся к этой стране. Здесь идут процессы глубокой трансформации всех сфер жизни общества, отражающие объективную историческую тенденцию модернизации и интернационализации экономики, политики, науки, культуры народов различных стран, их стремление к сотрудничеству и взаимному сближению. Оба эти процесса обусловлены набором эндогенных и экзогенных факторов.

В ходе этих изменений формируется новый облик Японии, который органично соединяет в себе традиционные элементы и западные инновации. Рассматриваемый период развития достаточно четко можно разделить на два этапа, которые связаны в свою очередь с двумя переломными моментами национальной истории. Начало первому положила Мэйдзи исин (реставрация, обновление Мэйдзи, 1868 г.), когда после более чем двухсотлетней изоляции начались активные контакты со странами Запада. С этого времени ведет свой отсчет крупномасштабная модернизация, принявшая форму вестернизации, точнее европеизации, а после второй мировой войны - американизации. Это - специфика Японии как азиатской страны. Однако уже и в то время Япония вносила свою лепту в развитие западной цивилизации, в частности, в области культуры, поэтому об этом процессе можно говорить и как о первых шагах интернационализации.

Второй этап начинается с капитуляции страны в 1945 г. И вот уже более полувека Япония являет собой пример на редкость удачного поступательного стабильного развития, неуклонно укрепляя свои экономические, политические и культурные позиции на мировой арене. При этом в первые два послевоенных десятилетия она продолжала больше заим-

ствовать, в дальнейшем же наблюдается процесс щедрой, во все возрастающем масштабе, отдачи ее достижений - и теперь уже прежде всего в сфере техно-экономической. В основе этого развития лежит феномен, получивший название "японского экономического чуда". И хотя разговоры о "японском чуде" уже прекратились, феномен Японии продолжает волновать умы. Ведь страна демонстрирует высокий уровень адаптации к изменениям условий развития, продолжает оставаться образцом для многих не только развивающихся, но и развитых стран.

Способность японского общества на протяжении всей его истории перестраиваться в соответствии с изменяющимися условиями существования помогает понять суть происшедшего в стране процесса модернизации. Этот интенсивный процесс вызвал к жизни в конце 50-х годов нашего века так называемую теорию модернизации Японии. Эта теория подвергалась критике в российском японоведении советского периода¹. Однако успехи Японии, достаточно быстро поставившие ее вровень со странами Запада, заставляют еще раз вернуться к этой теме и говорить именно о японском типе модернизации.

Процесс модернизации происходит постоянно, но термин имеет сравнительно короткую историю. В современной социологической литературе он имеет несколько толкований. Большинство ученых идентифицирует модернизацию с вступлением стран на путь капиталистического развития. Среди плеяды таких ученых - один из авторов теории модернизации Японии известный американский японовед Эдвин О. Рейшауэр (Гарвардский университет). Согласно этой точке зрения, процесс модернизации может длиться от нескольких столетий до нескольких десятилетий, но при этом всегда несет с собой фундаментальные изменения. Подчеркивая кардинальный характер таких изменений, Э.Рейшауэр сравнивает их значимость с "переходом от хозяйства, основанного на охоте и собирательстве, к земледелию, или от использования каменных орудий - к бронзовым и железным"².

Часть ученых предлагает рассматривать модернизацию того или иного государства в сравнении с конкретной более развитой страной (Япония и Англия) или с "идеальным типом", как определил крупнейший социолог XX века М.Вебер.

Наиболее часто, и в известной степени справедливо, под модернизацией понимается преобразование традиционно-

го "восточного" общества в "западное", которое предполагает более высокий уровень цивилизации. В первую очередь имеется в виду то, что западное общество обладает такими универсальными характеристиками ценностями, как разделение властей, свобода личности и другие права человека, свобода предпринимательства, политический суверенитет, право нации на самоопределение, свобода социального выбора. Именно к такому обществу стремятся сейчас все развивающиеся страны; это актуально также и для стран СНГ.

При этом особо следует подчеркнуть важность для судьбы цивилизации хозяйственной жизни общества, по выражению М.Вебера, рационального способа ведения хозяйства, рациональной капиталистической организации свободного (формально) труда. Наиболее ярко и всеобъемлюще это проявилось в странах Запада. "... Именно на Западе, и только здесь возникли такие явления культуры, которые развивались... в направлении, получившим универсальное значение"³. В то время, как в восточных обществах огромную роль играли и играют самобытные духовные ценности.

Для характеристики исторического процесса в странах Запада Вебер вводит понятие рационализации, понимая под ним совокупность ряда исторических факторов, определивших развитие европейских обществ за последние несколько веков. Именно в Европе впервые в истории человечества сложилось общество, которое в настоящее время называется индустриальным или промышленно развитым. Все другие типы обществ являются, по Веберу, традиционными.

Таким образом, получается, что рационализация - суть сам исторический процесс и в этом смысле она по существу тождественна модернизации. Поэтому, хотя Вебер напрямую и не использует термин "модернизация", современные историки, изучающие эту проблему, обращаются к его классическому наследию. В частности, Бенджамин Шварц писал: "Если следовать Веберу, то, по моему мнению, есть лишь одна возможность очертить границы понятия модернизации: оно включает систематическое, долговременное и целенаправленное приложение человеческой энергии к "рациональному" контролю над материальной и социальной средой обитания человека для реализации различных целей. Я употребляю прилагательные целенаправленное, систематическое и долговременное, ибо абсолютно ясно, что процесс рационализации, как таковой, начался задолго до того, как

появился термин Modern Age (Новая история - авт.) и он практически существует на протяжении всей истории человечества"⁴.

При преобразовании традиционного общества в западное, речь, естественно, идет об интенсивном, одностороннем межнациональном переносе социально-экономических, политических и социо-культурных ценностей. Другими словами, в этом случае модернизация происходит под влиянием экзогенных факторов и идет достаточно быстро. Перенос ценностей может иметь место как в условиях зависимости того или иного модернизирующегося государства, так и при сохранении весьма широкой политической и экономической его самостоятельности. При этом даже в такой стране как Япония, не только в довоенное время, но и в первые десятилетия после поражения во второй мировой войне, "модернизированный" и "западный" являлись синонимами: японское общество считалось отсталым, а западное - передовым. И только по мере достижения высокого уровня экономического развития такие воззрения потеряли силу.

Основу европейской модернизации составляли эндогенные процессы в экономике, политике, идеологии, науке и она осуществлялась сравнительно медленными темпами. В результате сложилось современное западное общество, под влиянием которого на основе межнациональных контактов осуществлялась модернизация других регионов. Точнее сказать, вестернизация их, ибо модернизация - это более сложный и самостоятельный процесс, опирающийся на саморазвитие любой страны, а не только на заимствование чужого опыта. По сути своей путь исторического развития Японии представляет собой практически непрерывный процесс модернизации общества не только в плане постоянной рационализации хозяйственной деятельности, но и развития духовной сферы. Япония - яркий пример трансформации традиционного общества в западное, понимаемое как модернизируемое.

Процесс модернизации общества - перманентный, но не унифицированный и разновременный. Подобная точка зрения в последние годы получает все более широкое распространение среди ученых разных стран. В частности, ее придерживается профессор Еврейского университета Ш.Айзенштадт. По его мнению, "пришло время отойти от взгляда на модернизацию, как на конечную цель эволюции

всех известных нам обществ, когда эволюционный потенциал мыслится единым для всех, а европейский опыт - важнейшим и самым конструктивным выражением модернизационной парадигмы. Суть этой парадигмы в том, что модернизация описывалась как процесс становления единообразной цивилизации, зародившейся в Европе и распространившей на весь мир экономические, политические и идеологические аспекты своей жизнедеятельности, что особо характерно для периода после второй мировой войны"⁵

Действительно, хотя модернизация и получила широкое распространение, она не привела к созданию единой цивилизации, и тем более к появлению единой идеологической и политической структуры. В отличие от распространения, например, религий или других заимствований в прошлом, процесс модернизации включал в себя экономические, политические и идеологические аспекты. Это не могло не подрывать в значительной степени существующие в модернизирующихся обществах структуры. Модернизация - это прежде всего технологические преобразования, гарантирующие поступательное развитие общества, в конечном итоге приводящие к его социальной реконструкции. В то же время опыт подтверждает тезис известного американского социолога П.Бергера о том, что "нельзя смешивать технологические сдвиги и социо-психологические системы общества".

В свою очередь каждое общество вырабатывает свой отклик на осуществляемую экспансию чужого опыта. Отсюда многообразие вариантов цивилизаций и модернизаций, их неидентичность и динамизм. Эта точка зрения авторов корреспондирует с мнением Янаихара Тадао (Токийский университет) о том, что именно в процессе модернизации происходит обогащение мировой культуры специфическими особенностями культур разных народов⁶. В этой связи нельзя не привести следующие слова Р.Э.Рейшауэра: "... можно сделать вывод, что есть и всегда будет существовать многовариантность модернизации, и поэтому ни один случай не может быть типичным"⁷. При этом, по словам Джона У. Холла (одного из авторов теории модернизации Японии; Йельский университет), каждое поколение понимает ее по-своему.

Отсутствие универсальной формы модернизации вполне закономерно, ибо набор факторов, вызывающий коренные изменения в разных обществах, неодинаков. В 60-е годы ученые ряда стран (Япония, Англия, США, Австралия - Оути

Цутому, Тояма Сигэки, Рональд Дор, Джон Холл, Эдвин Рейшауэр, Сидней Кроукур и др.) пришли к выводу о невозможности сформулировать одномерное понятие модернизации. Ими были выработаны лишь основные параметры, характеризующие модернизированное общество второй половины XX века. К ним относятся, в частности, сравнительно высокий уровень урбанизации, использование новых источников энергии, социальная активность населения; широкое распространение потребительских товаров и услуг; поголовная грамотность населения и важная роль науки; создание широкой сети средств массовой информации; наличие социальных институтов (правительство, парламент, бизнес и пр.), а также растущее межнациональное общение. В развитие этих положений некоторые ученые (Роберт Уорд, Рональд Дор, Вильям Локвуд) предприняли попытку дать критерии этого процесса отдельно в политике, экономике, идеологии и социальной сфере⁸.

Джон У.Холл, в частности, сформулировал суть модернизации включив в это понятие механизацию и индустриализацию экономики, создание бюрократического аппарата в государственных учреждениях и общественных организациях, активизацию роли науки, интеллектуальной сферы вообще, широкий диапазон социальных отношений, обогащение людей духовными ценностями, т.е. все компоненты, отражающие высокий на данный период времени уровень рационализации условий человеческого существования⁹.

По Дж.Холлу получается, что общество, укладывающееся в эти рамки, можно считать модернизированным. В ответ на это утверждение американского ученого и сенатора японский экономист Цуцуми Сэйдзи полагает, что "с точки зрения социологии такой подход, наверное, возможен, но теорию модернизации на этой основе разработать нельзя"¹⁰. С.Цуцуми не объясняет своей позиции, но, видимо, речь идет о том, что Дж.Холл выдвигает лишь формальные критерии без учета специфики той или иной страны.

Японский профессор Н.Кавамура (Токийский университет) подчеркивает относительную самостоятельность собственных культурных ценностей, рассматривая модернизацию и индустриализацию, с одной стороны, и культурные характеристики, с другой. По его мнению, такие специфические явления японского общества, как консенсус и или корпоративный дух, которые не вписываются в нормативную европо-

центристскую теорию, нельзя рассматривать как пережитки феодализма, а надо воспринимать как отличающиеся от западных культурные ценности японцев. И с этим нельзя не согласиться.

Проф. Н.Кавамура распространяет теорию модернизации за рамки перехода от традиционного "восточного" общества к современному "западному". Он считает, что процесс модернизации идет и дальше - от современного общества к стадии постсовременного¹¹. Действительно, на современном этапе усиление межцивилизационных взаимодействий с тесными политическими, экономическими, технологическими и идеологическими связями ведет к интернационализации мирового сообщества, к созданию глобальных систем. Таким образом, модернизация смыкается с интернационализацией. что характерно, в частности, для Японии 90-х годов.

Однако, это не будет означать образование единой цивилизации, а лишь - создание целого ряда цивилизаций современного уровня, со своими специфическими чертами. При таком подходе в значительной степени теряет силу один из аспектов теории конвергенции, касающийся потери восточными обществами своей индивидуальности по мере сближения с Западом.

Оценивая модернизацию той или иной страны большинство ученых исходят из временного критерия, то есть относят общество к тому или иному типу в зависимости от времени его вступления на путь модернизации. Проф. Талкот Парсонс, исходя из того, что общества развиваются под воздействием внутренних или внешних факторов, делит их на два типа - соответственно эндогенные и экзогенные. Вслед за Парсонсом, Мэрион Леви (Принстонский университет) различает "первично развитые" и "вторично". К первым он относит те, которые развивались преимущественно опираясь на собственные силы в течение сравнительно долгого времени. К вторым - те, которые заимствовали модель индустриализации первично развитых обществ, и осуществляли ее достаточно быстро. Например, в случае Японии, как свидетельствует известный японский социолог Цуруми Кадзую (университет София, Токио), там, где западным странам требовалось тридцать лет, для Японии было достаточно десяти¹². Такая спрессованность во времени вела к серьезным напряжениям и осложнениям в обществе.

Это было связано с тем, что так называемые вторично развивающиеся общества, осуществляя модернизацию, включали в свои традиционные структуры передовые технологии, политические, экономические и идеологические новшества, которые не всегда сочетались с уровнем развития того или иного социума. Более того, большие сложности возникали с асинхронностью изменений, происходивших в различных системах модернизирующихся обществ.

Та же М. Леви, развивая вышеупомянутую точку зрения выделяет не только первично и вторично развитые общества, но и старые с высокоразвитой традиционной культурой (в частности, Японию) и молодые, появившиеся на сравнительно свободных землях (США), т.е. четыре типа. Это мнение поддерживает и Генри Розовский (Калифорнийский университет). Сирил Блэк (Принстонский университет) дает еще более дробную классификацию, насчитывающую шесть типов. Все эти ученые стремились группировать страны по уровню их развития.

При изучении истории Японии представляет интерес деление модернизирующихся обществ на три основные группы, предложенные Э.Рейшауэром в соответствии со временем их выхода на путь модернизации и уровнем ее развития: 1. Государства, в которых элементы модернизации зарождались в ходе сравнительно медленного эволюционного развития (страны Северной Европы и ареалы, находящиеся под их влиянием); 2. Государства с высокоразвитой цивилизацией, в которые элементы модернизации были привнесены извне (большинство стран Азии, Северной Африки, Латинской Америки); 3. Государства, где элементы модернизации появились совсем недавно (остальная часть Африки и часть Океании). Безусловно, между этими категориями, по его мнению, не существует непреодолимых барьеров, и целый ряд стран занимает пограничные зоны, как например, некоторые страны Южной и Восточной Европы, а также Япония, которые являются маргинальными между первой и второй категориями¹³.

По мнению Э.Рейшауэра, по отдельным параметрам, в частности относящимся к культуре, плодотворно сопоставить японский вариант с китайским и корейским. Что касается исторической типологии, то наиболее продуктивно было бы сравнивать Японию с развитыми странами Азии, но в некоторых аспектах более интересно - с Россией или Восточной Европой. Только начальную стадию японской модернизации

он считает целесообразным сопоставить с подобным процессом в странах Южной и Восточной Европы, а по некоторым параметрам со странами Северо-западной Европы и Северной Америки.

Таким образом, Э.Рейшауэр считает, что Япония находилась уже на достаточно высоком уровне развития, когда вступила на путь модернизации в период Мэйдзи. По его мнению, успешное продвижение страны по этому пути было обеспечено не только имеющимися для этого предпосылками, но и способностью японцев постоянно учиться у других стран.

При этом он особенно выделяет творческое начало в человеке капиталистического общества, который ощущает себя творцом прогресса. Эта точка зрения совпадает в принципе с позицией М.Вебера, который говорил, что одним из существенных компонентов "рационализации" действия является замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса¹⁴.

На характер модернизации Японии большое влияние оказала высокая адаптивная способность населения, т.е. усвоение им различных элементов других цивилизаций (прежде всего индийской и китайской), более того, превращение их в компоненты своих национальных ценностей. Достаточно упомянуть восприятие китайской письменности (IV в.), даосизма и конфуцианства (IV-V вв.), буддизма (VI в.), несомненное влияние западной цивилизации (XVI в.), несмотря на последующую изоляцию феодальной Японии (XVII-XIX вв.).

В настоящее время трудно разобраться, что в японском обществе самобытно, а что заимствованно, поскольку все соединилось в единый сплав. При этом чисто японский элемент, будучи подчас намного слабее, тем не менее оказывал серьезное влияние на процесс адаптации. Это было обусловлено тем, что по справедливому замечанию крупнейшего отечественного исследователя буддизма О.О.Розенберга, "в национальном элементе скрывалось известное предрасположение, известное характерное мировоззрение, хотя и не заключенное в рамки системы"¹⁵. Примечательно, что интегрируя культуру других стран в свои традиции, Япония тем самым часто сохраняла то, что оказывалось утерянным в самих этих странах.

Образование единого сплава связано с мировосприятием японцев, в основе которого, как и в других восточных обществах, лежит традиция, достаточно общий образ действия, "разделяемый личностью или обществом в качестве естественного и сама собой разумеющегося пути к достижению каких угодно частных целей... Традиция является не просто бытовым или хозяйственным институтом, но универсальным и интегративным механизмом, организующим любые социальные роли в соответствии с определенными императивами поведения..."¹⁶. Или, как кратко определил Ш.Айзенштадт, традиция - это "резервуар самых главных черт социального и культурного быта общества или цивилизации"¹⁷.

Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации традиций. Новые элементы обычно лишь добавлялись к старой структуре, никогда не разрушая ее, часто со существуя с ней, иногда сливаясь, образуя единый сплав, где уже трудно различить, что взято извне, а что традиционно японское. Постепенно эти элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, вызвали перестройку всей системы. Иногда этот процесс шел настолько бурно, что порождал обманчивое впечатление, будто японцы разрушают свои традиции. Даже известный русский мыслитель В.С.Соловьев, высказывавший много прозорливых мыслей о будущем Японии, оказался в плену подобных представлений. Он писал: "Японцы не очень ценят особенности своей культуры, судя по той поспешности, с которой они перенимают не только техническую сторону европейской цивилизации, но и жизненные ее принципы"¹⁸.

На самом деле европеизация и модернизация Японии осуществлялась не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования, и поэтому нельзя не согласиться с мнением известного японоведа Фоско Маранини: "Двадцатый век в Японии часто рассматривается как прогресс, вызванный множеством чужестранных элементов, представляющих собой модернизацию, на фоне упрямого сопротивления сил традиции. В некоторых случаях это верно, но общая картина представляется совершенно иной. Будь прошлое Японии преградой для ее будущего, страна до сих пор была бы неким прилежным и многообещающим учеником своих западных менторов, а не могущественным соперником, поднявшим меч и играющим с умением и жаром, грозя в скором времени побить учителей в их собственной игре"¹⁹.

К аналогичным выводам пришел и видный российский ученый С.А.Арутюнов. Он отмечал, что, хотя такие основные элементы материального быта европейцев и японцев, как построение и оформление жилища, основы кулинарии и сервировки, костюм и пр. абсолютно несхожи и представляют собой различные системы материальной организации быта, тем не менее в Японии произошел их синтез при сохранении раздельного существования отдельных элементов. В связи с этим применительно к материальной культуре существуют понятия - западный стиль (сэйёсики), японский (васики) и смешанный (ваё сэттю).

Прагматизм японцев давал им большие возможности воспринимать все нововведения, которые они считали нужными, старательно обходя возможные катаклизмы и не поступаясь традиционными ценностями. Это - одна из причин, почему Япония сумела успешно ответить на вызов Запада, в отличие, скажем, от Китая. На восприятие модернизации и в том и другом случае огромное влияние оказали социопсихологические факторы, в частности отношение китайцев и японцев к остальному миру: первые не смогли расстаться с идеей срединной империи и допустить наличие ценностей, отличных от их собственных, и необходимость чему-нибудь учиться у других народов. Вторые же, не теряя своей уникальности, сумели воспринять западные ценности. Такую точку зрения разделяют многие отечественные и зарубежные японоведы.

Японский опыт как раз и свидетельствует о том, что ни одна культура, даже такая мощная, как западная, не может быть универсальным образцом для подражания, и в то же время ни одна культура не развивается абсолютно независимо, как бы в вакууме. Поэтому, хотя мы и говорим подчас о модернизации Японии в после-мэйдзийский период как о европеизации, или в послевоенный, как об американизации, на самом деле речь идет о процессе более сложном и деликатном, о взаимодействии культур, когда прослеживается близость этого понятия с понятием цивилизации, о чем шла речь выше.

Универсальное воздействие традиций в широком смысле этого понятия способствовало тому, что преобразования в японском обществе, даже достаточно серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов, путем реформ, без революций, а путем эволюции. Решение проблем

(противоречий) путем компромиссов - явление характерное для Японии, где, как правило, выбирают золотую середину между разрушением и созиданием. Такой подход базируется на одном из основополагающих принципов японского мировосприятия - ва (понятие гармонии). Как пишет Т. Григорьева, "Гармония (ва) означает правильное отношение - поддерживать нечто в состоянии подвижного равновесия, уравнивать одно другим, что позволяет целому не распадаться... в истории - это способность уравнивать, снимать конфликты, примирять враждующие стороны внутри и вовне. (Не случайно японцы назвали свою страну Ямато (второе чтение иероглифа "гармония" - ва) в отличие от китайцев, которые назвали свое государство Средним... Япония, она изначально предпочла путь движения, действия, идеалу покоя, "центра" предпочла идеал движения, Пути)"²⁰.

Японский этнограф и историк Янагина Кунно не раз высказывал мнение о важности преемственности в истории общества. Если на Западе новая ступень развития создается при отрицании предыдущей, т.е. путем ломки, то в Японии - путем преемственности, обновления традиций. (Поэтому не случайно для определения сути Мэйдзийских событий было взято слово "исин", что означает и "обновление").

Для реставрации Мэйдзи, в частности, был свойственен компромисс между консервативными силами и сторонниками обновления. Первые проявили склонность к изменению положения в обществе, вторые - к сохранению и поддержанию традиции. Примечательно, что значительная часть предшественников торгового-промышленного капитала, в прошлом выходцев из феодальных кланов, оказалась вполне готовой адаптироваться к требованиям новой эпохи.

Тем не менее сами реформы на поворотных этапах исторического развития Японии имели поистине революционный характер. Будь то реформы периода Тайка (УП в.), ознаменовавшие завершение перехода от первобытно-общинного строя к феодальной формации, или периода Мэйдзи, открывшие путь капиталистического развития и ускоренной модернизации страны, или послевоенные, послужившие фундаментом "японского чуда".

Специфика кардинальных преобразований в японском обществе (отсутствие классических революций, сопровождавшихся ниспровержением политических режимов, изменением главных политических принципов и символов законода-

тельной власти, сменой правящих классов, а также коренным изменением социально-экономических отношений) породила различные оценки событий периода Мэйдзи. Советские ученые характеризовали их как незавершенную буржуазную революцию, имевшую верхушечный характер. Эта оценка сделана с позиций европоцентризма. Незавершенность виделась в том, что задачи буржуазных преобразований были решены не полностью. Это касалось как существа проведенных реформ, так и формы установленной власти.

Большинство европейских историков, как и японских, называют эти события реставрацией Мэйдзи, поскольку основные политические изменения вылились в форму восстановления императорской власти, сохранения преемственности традиций, реконструкции специфической японской общности и утверждения идеи обожествления императора.

Такие, казалось бы, на первый взгляд, противоречивые оценки вполне правомерны в случае с Японией, ибо отражают действительную сущность этих событий, хотя понятия "реставрация" и "революция" на примере истории западных стран взаимно исключают друг друга. Реставрация же Мэйдзи по своим последствиям (индустриализация, урбанизация, централизация власти) была близка к революциям европейского типа. Но система государственной власти не подверглась коренной ломке. Кроме того, японцы и не ставили задачи, которые решались во время европейских революций. Они сделали все, что было нужно их стране в то время для сохранения независимости и создания государства, равного по статусу европейским державам. Типологически события Мэйдзи можно рассматривать как консервативную революцию. Этот термин, еще мало встречающийся у нас, довольно широко используется в западной политологической литературе. Основное его содержание сводится к тому, что революционные преобразования в традиционных обществах происходят на основе собственной традиции.

Достаточно высокий уровень развития Японии к моменту вступления ее в тесный контакт с западной цивилизацией позволил проф. Джорджу Арнасону (университет Ла Троб, Мельбурн) предположить интересное сравнение истории страны не с отдельными европейскими странами, а с континентом в целом. При этом, по его мнению, роль отдельных европейских государств играли здесь феодальные кланы.

Таким образом, Япония несла в себе "свою Италию, Голландию, Францию, Англию и Германию вместе взятые"²¹.

Речь идет о том, что в Европе ни одно государство не играло главенствующей роли, т.е. на континенте отсутствовала жесткая централизованная власть, что обеспечило сравнительно быстрый переход западного общества к капитализму. То же, в частности, имело место и в Японии в Токугавский период, где в отличие от других азиатских стран (в первую очередь от Китая с его монолитной императорско-бюрократической системой, не допускавшей инакомыслия) власть государства, особенно экономическая, была слабее. По справедливому замечанию китаеведа Ф.Б.Белалюбского, "ослабление центра подготовило ускоренный бросок традиционного европейского общества в светлое царство еврокапитализма... где-то на рубеже XVI-XVII веков. Наоборот в Азии укрепилось в разных вариантах экономическое верховенство государственной власти. Послабее она оказалась в Японии (вот мы и видим результат)"²².

Процесс модернизации Японии - не прямолинейное поступательное движение. В нем наблюдаются свои приливы и отливы: от полного отторжения всего западного, до практически полного его принятия. Подобное отношение ко всему иноземному было свойственно японскому обществу в течение всей его истории. Усвоение чужеземного опыта определялось прежде всего политическими целями, и этот процесс шел под контролем правящей элиты.

¹ См., например: "Дух Ямато" в прошлом и настоящем. М., 1989, с. 15.

² Changing Japanese Attitudes Towards Modernization. Tokyo, 1982, с. 16.

³ М.Вебер. Избранные произведения. М., 1990, с. 44..

⁴ Changing Japanese Attitudes Towards Modernization. Tokyo, 1982, с. 23-24.

⁵ Подробнее см.: Berher P.L. Capitalism Revolution Fifty Propositions about Prosperity, Equality and Liberty, N.Y., 1986.

⁶ Янаихара Тадао. Киндай Нихон сёся (Краткий очерк истории современной Японии). Токио, 1952, с. 9-10.

⁷ Japanese...6 с. 35.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 31.

¹⁰ С.Цуцуми. Пути перемен. М., 1982, с. 64.

¹¹ Подробнее см.: The Japanese Trajectory: Modernization and Beyond. Cambridge, 1988, с. 264-283.

¹² Kazuko Tsurumi. Social Change and the Individual. Princeton, 1970, с. 7.

¹³ Changing Japanese..., с. 34-35.

¹⁴ М.Вебер. Избранные произведения, с. 22,

¹⁵ О.О.Розенберг. Труды по буддизму. М., 1991, с. 55.

¹⁶ Вопросы философии. 1991, № 4, с. 8.

¹⁷ Общественные науки за рубежом, сер. 9, 1982, № 3, с. 47.

¹⁸ В.С.Соловьев. Собр. соч., СПб, б/г, т. VI, с. 126.

¹⁹ Фоско Маранини. Япония. Образы и традиции. М., 1980, с. 158.

²⁰ Человек и мир в японской культуре. М., 1985, с. 142.

²¹ The Japanese Trajectory..., с. 240.

²² Проблемы Дальнего Востока. 1991, № 4, с. 116.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Японская модель государственного регулирования экономики привлекает к себе пристальное внимание специалистов и вызывает довольно жаркие дискуссии. В центре этих дискуссий - вопрос о характере и масштабах вмешательства государства в экономическую жизнь страны.

Прежде всего следует отметить, что с точки зрения форм и методов регулирования можно провести четкую грань между моделью, существовавшей в период между революцией Мэйдзи и окончанием второй мировой войны, и моделью, сформировавшейся в послевоенный период.

Финансовая и технологическая слабость частного национального капитала в первые годы после революции Мэйдзи, сохранение многочисленных феодальных пережитков и общая социально-политическая нестабильность, необходимость скорейшего преодоления экономического и технического отставания от западных стран и быстро нарастающие масштабы экономической и военной экспансии - все эти факторы предопределили тот факт, что с самых первых лет развития капитализма и вплоть до окончания второй мировой войны государство занимало ключевые позиции в ряде важнейших секторов национальной экономики и осуществляло всеобъемлющий контроль над всеми важнейшими областями хозяйственной жизни страны.

В первое десятилетие после революции Мэйдзи государство взяло на себя практически все функции модернизации экономики, одновременно стимулируя развитие частного предпринимательского сектора. В этот период подавляющая часть предприятий, имевших военно-политическое значение (военные заводы, судостроительные, горнодобывающая промышленность, железные дороги, телеграф), находились в руках государства. В то же время государство активно занималось созданием новых, так называемых "образцовых" предприятий в ряде гражданских отраслей, прежде всего в текстильном производстве. "Образцовые" предприятия выполняли двойную функцию: с одной стороны, они служили моделями для част-

ных предприятий, а с другой - являлись центрами подготовки квалифицированной рабочей силы¹.

Государственные предприятия по тогдашним масштабам были весьма крупными, на них использовалась самая современная западная техника, а для технического руководства приглашались иностранные специалисты. В то же время для стимулирования развития частнопредпринимательского сектора широко использовались государственные субсидии и льготное кредитование (прежде всего импорта иностранного оборудования).

80-е годы прежде всего стали переломным периодом в развитии японского капитализма. Поскольку к этому времени основы современной промышленности уже были заложены и класс промышленной буржуазии в целом сформировался, правительство решило уйти из большей части базовых отраслей и передать их частному сектору. В ноябре 1980 г. был принят закон о продаже государственных предприятий, под который попадали практически все заводы и фабрики военного профиля. Для частного сектора эта сделка была чрезвычайно выгодна, поскольку рабочая сила, занятая на этих предприятиях, уже имела необходимую квалификацию, а само оборудование было продано по крайне низким ценам. Государственные предприятия передавались прежде всего знатным семьям, поддерживавшим правительство в первые годы после революции Мэйдзи, что способствовало их быстрому обогащению².

Само же государство в этот период сосредоточило усилия на развитии военного производства и укреплении финансовой системы. В 1882 г. был создан Банк Японии, а затем - целая сеть специализированных банков, в задачу которых входило обеспечение финансовыми ресурсами промышленности, сельского хозяйства, отдельных экономических войн, а позднее - операций на захваченных в ходе колониальных войн территориях. При этом вследствие неразвитости японского частного банковского капитала, доля государства в учредительном капитале этих специализированных банков как правило превышала 50%³.

Однако, ослабление прямого участия государства в экономическом развитии, связанное с приватизацией ряда отраслей в 80-е годы, носило временный характер. Вступление Японии со второй половины 90-х годов прошлого века на путь колониальных захватов и империалистических войн со-

проводилось значительным расширением как прямых, так и косвенных форм государственного контроля над экономикой. Однако при общем нарастании масштабов государственного регулирования на разных этапах соотношение между его прямыми и косвенными формами менялось.

Так, вследствие необходимости ужесточения государственного контроля над транспортом в период японо-китайской войны 1894-1895 гг. уже в 1895 г. был издан новый закон о железных дорогах. Он закрепил за государством монополию на магистральные линии, а частному капиталу предоставил право на эксплуатацию местных линий (при полном подчинении развития последних единому государственному плану развития железнодорожной сети). Дальнейшее усиление государственного контроля, связанное с русско-японской войной 1904-1905 гг., привело в конечном счете с национализации большинства частных железных дорог. В 1904 г. доля государственных железных дорог в общей их протяженности достигала 91%. Всего же к началу первой мировой войны доля государственной собственности в национальном богатстве (включая промышленность, транспорт, финансы, инфраструктуру и т.д.) достигала 50%⁴.

Годы первой мировой войны и последующее десятилетие явились для Японии периодом ускоренного экономического развития, резкого расширения внешнеторговой экспансии и как следствие - значительного укрепления позиций частного капитала. В этих условиях относительные объемы прямого участия государства в экономике начали постепенно сокращаться и к 1928 г. составили около 30% совокупного национального богатства. При этом на долю государства приходилось 34% суммарного капитала промышленности и транспорта, 20% общего числа занятых и 38% всех финансовых активов страны. Особенно значительны были позиции государства в сфере инфраструктуры: на его долю приходилось свыше 98% услуг телефонно-телеграфной службы, свыше 80% объема железнодорожных перевозок, ему принадлежало около половины автомобильного парка и парка судов, свыше 70% мощностей портового хозяйства и т.д.⁵

Мировой экономический кризис конца 20-х - начала 30-х годов, больно ударивший и по Японии, а затем вступление страны в полосу агрессивных войн положили начало новому этапу в развитии государственного регулирования, а именно невиданному расширению и усилению всех форм го-

сударственного контроля над экономикой, достигшего своего апогея в период второй мировой войны.

Подготовка и ведение войны потребовали от японской экономики колоссального напряжения: дол военных расходов в национальном доходе увеличилась с 6,9% в 1936 г. до 31,8% в 1941 г., 52,5% в 1943 г. 129,1% в 1944 г.⁶ Для мобилизации национальных ресурсов в военных целях государство использовало необычайно широкий арсенал средств контроля над частными предприятиями.

Например, в начале 30-х годов в электроэнергетике было проведено принудительное объединение всех компаний в пять региональных концернов с последующим введением прямого государственного контроля над тарифами и квотирования производства. В ряде отраслей промышленности был введен так называемый "самоконтроль", при котором через отраслевые предпринимательские ассоциации соответствующие министерства и ведомства доводили до предприятий задания по производству тех или иных видов продукции, оставляя за ними права на свободу действий в оперативном управлении. Мы можем обнаружить также в этот период такую уникальную форму контроля как "частная собственность - общественное управление". В этом случае в соответствии со специально принятыми законами государству передавались права управления частной компанией при сохранении права собственности за ее владельцами.

Разумеется, государство в этот период стремилось расширить и прямой контроль над экономикой, прежде всего в отраслях, имевших военно-стратегическое значение. Однако, поскольку львиная доля государственных средств направлялась на финансирование армии и флота, преобладающей его формой стали специальные частно-государственные компании, получившие статус "специальных". Они создавались на основе специальных законов, гарантировавших частному капиталу получение прибыли и дивидендов, возмещение убытков, предоставление льготных кредитов, налоговых льгот и т.д.⁷

В целом же, как отмечает Я.А.Певзнер, в предвоенные и военные годы через всевозможные формы государственного регулирования под прямой или косвенный контроль государства были поставлены экспорт и импорт, внутренняя торговля, кредиты и инвестиции, номенклатура производства, использование рабочей силы (с определением ставок зара-

ботной платы и режима работы - в первую очередь на военных заводах) и т.д.⁸

Поражение в войне означало крутой поворот в экономическом развитии Японии. В принципиально иных условиях послевоенного развития сформировалась и качественно иная модель государственного регулирования экономики: ее основные этапы, формы и методы глубоко и всесторонне исследованы в российском японоведении, прежде всего в работах Я.А.Певзнера и А.И.Кравцевича. Поэтому в данной статье мы сосредоточим внимание лишь на одном аспекте проблемы - на специфических чертах японской модели государственного регулирования, отличающих ее от моделей, существующих в других странах.

Прежде всего, в этой связи следует отметить, что набор средств и методов прямого и косвенного регулирования экономики в Японии принципиально ничем не отличается от средств и методов, используемых в других развитых странах. Более того, если оценивать позиции японского государства по таким показателям, как доля государственной собственности в национальном богатстве и налогов в национальном доходе, удельный вес государственных расходов в совокупных общественных расходах и т.д., то окажется, что государство в Японии занимает намного более слабые позиции, чем в других развитых странах⁹. Большинство специалистов считает также, что регулирующие и контрольные функции японского государства введены в более жесткие юридические рамки, чем в других странах, прежде всего США.

Каковы же на самом деле позиции и роль государства в экономической жизни японского общества? При ответе на этот вопрос, на наш взгляд, нужно прежде всего учитывать следующие два обстоятельства. Во-первых, то, что реальная роль японского государства в экономическом развитии не может быть оценена лишь на основе формальных экономических показателей, отражающих его участие в создании и распределении национального богатства, или функций закрепленных за ним законодательством. Во-вторых, то, что при оценке позиций и роли государства нельзя применять чисто западные мерки и понимание могущества и силы, поскольку историко-культурные традиции и социо-психологические ориентиры японской нации придают этим категориям несколько отличное звучание в японском контексте.

В этой связи следует прежде всего упомянуть о том особом положении, которое занимает бюрократия в японском обществе в силу исторических традиций - с одной стороны, и социо-психологических ориентиров японской нации - с другой.

Что касается социо-культурных ориентиров, то прежде всего нужно подчеркнуть влияние группизма и *ва* - гармонии. Из этих основных социо-психологических установок японской нации вытекают следующие моменты, важные для понимания особых позиций государства в Японии.

Во-первых, выработанные в течение многих веков ощущение японцами себя как части целого, ориентация на достижение коллективных целей и готовность принести личные интересы в жертву интересам коллектива возводят бюрократию на высшую ступень общественной иерархии, поскольку общественным сознанием она традиционно воспринимается как носитель и гарант высших интересов - общенациональных.

Во-вторых, акцент на *ва* - гармонии - и стремление к выработке консенсуса в обществе, состоящем из изолированных конкурирующих групп, предполагает наличие посредника, который, с одной стороны, занимал бы нейтральное положение по отношению ко всем участвующим сторонам, а с другой - обладал бы необходимым для такой тонкой работы авторитетом. И совершенно естественно, что в японском обществе эту роль берет на себя государство с его опытом и необходимой организационной инфраструктурой.

В-третьих, особое положение государства в обществе в целом связано с той значимостью, которая придается в Японии лидеру группы. В обычных условиях каждая японская группа действует по типу *мура* - замкнутого деревенского сообщества, главной заботой которого является взаимная выгода его членов. Лидер группы при этом выступает в качестве сообщества. Однако, когда возникает внешняя угроза, *мура* превращается в *из* - организацию более жесткого типа, требующую от всех своих членов безусловного подчинения. В этом случае и лидер группы превращается в могущественного вождя, действующего на основе жестких приказов, а не уговоров и увещаний¹⁰.

Очевидно, что поскольку за свою долгую историю Япония весьма часто оказывалась перед лицом национальных кризисов, когда государство превращалось в жестокого лиде-

ра, а функции его чрезвычайно ужесточались и расширялись, общественное сознание как бы закрепило за ним его особый статус и право действовать "на грани закона, если не за его пределами"¹¹.

Кроме того, сама история, отраженная в общественном сознании, способствовала возвышению бюрократии. В японской истории было два ярких периода, когда они действительно сыграли выдающуюся роль в развитии страны - периоды Токугава и Мэйдзи. В первом случае, благодаря разумной политике центральной власти и усилиям преданных своему долгу чиновников на местах были обеспечены условия для почти 200-летнего процветания нации в обстановке мира, безопасности и социальной стабильности. Во втором случае в результате продуманных действий бюрократии были созданы предпосылки для быстрого преодоления страной технико-экономической отсталости и превращения ее в одну из ведущих империалистических держав.

Особое положение государства в японском обществе, предопределенное выше указанными факторами, обусловило и особый тип государственного вмешательства в экономическое развитие. Прежде всего, это проявляется в особенностях политического подхода чиновников к рынку как таковому. Они признают за рынком две функции колоссальной важности: во-первых, то, что он предопределяет структуру частных инициатив, основанных на рационально рассчитанных личных интересах, и, во-вторых, то, что он обеспечивает механизм обратной связи, позволяющий осуществлять саморегулирование.

В то же время с точки зрения японских чиновников "чистый" рынок имеет целый ряд недостатков (несовершенство информации, преобладание узких, краткосрочных интересов, чрезмерная конкуренция, невнимание к общенациональным задачам и т.д.), поэтому они полагают, что для получения желаемых результатов "невидимая" рука рынка должна работать вместе с "видимой" рукой правительства¹².

Переплетение этих "видимых" и "невидимых" рук можно обнаружить в любой из развитых стран, но в Японии государство, опираясь на свой особый статус, может раздвинуть рамки своего вмешательства в экономику, в частности, за счет более широкого толкования такого понятия, как "провалы" рынка. В Японии последние трактуются шире, чем

в других странах, и включают не только уже "состоявшиеся" негативные последствия экономического развития, но и возможные неприемлемые с точки зрения правительства результаты. Правительство при этом должно обеспечивать определенную степень защищенности общества от просчетов или "провалов" рынка.

Наиболее ярко специфика такого подхода проявляется в промышленной политике. Последнюю можно определить как совокупность мер государственного воздействия на экономику, направленных на формирование и перестройку ее отраслевой структуры с целью повышения эффективности использования факторов производства.

Исторические корни промышленной политики просматриваются еще в периоде Мэйдзи, когда стечение особых обстоятельств поставило реформаторов перед необходимостью определения такого отраслевого "набора", который позволил бы Японии в кратчайшие сроки догнать страны Запада и выйти в число мировых лидеров.

В послевоенный период Япония во многом оказалась в аналогичном положении. Поражение в войне, экономическая разруха, оккупация породили ощущение национальной катастрофы. Однако выработанная веками в японском народе "психология выживания" способствовала довольно быстрому формированию широкого социального консенсуса в отношении новой исторической задачи - догнать западные страны по уровню экономического и технического развития. Это легитимизировало руководящую роль в этом процессе японской бюрократии, а заодно и ее особый подход к рынку.

Отдавая рынку должное, но в то же время считая, что он не может обеспечить адекватной реализации общенациональных интересов, государство с первых же послевоенных лет приступило к последовательному "структурированию" экономического роста, т.е. осуществлению промышленной политики. Разумеется, на этом пути японская бюрократия совершила немало ошибок и промахов. Наиболее масштабные из них - крайне неравномерное распределение производственного потенциала на территории страны, приведшее в конце 60-х годов к резкому обострению проблемы загрязнения окружающей среды и значительному росту цен на землю в районах промышленного строительства; экономический кризис середины 70-х годов, обнаживший всю глубину накопившихся структурных диспропорций. Сюда же можно отнести и

последнюю затянувшуюся депрессию - прямой результат механизма развития второй половины 80-х годов, получившего название "экономики мыльного пузыря". Вольно или невольно этот механизм поддерживался, с одной стороны, усилиями МВТП, оказывавшего всемирную поддержку компаниям новых высокотехнологических отраслей - основным участникам биржевых операций, а с другой - действиями министерства финансов, слишком увлекшегося либерализацией финансовой сферы.

Однако, отмечая эти промахи, в определенной степени неизбежные и вполне объяснимые, стоит подчеркнуть, что особый подход японских бюрократов к рынку и, прежде всего, их неустанные попытки "структурировать" экономический рост в целом придают развитию экономики Японии более устойчивый и целенаправленный, чем в других развитых странах характер.

Направлять же действия частных предприятий в русло развития, определяемое промышленной политикой, японскому правительству удается благодаря тому, что в течение многих десятилетий в стране существует и поддерживается высокая степень взаимопонимания и взаимодействия между бизнесом и бюрократией. Основы взаимопонимания и сотрудничества между правительством и большим бизнесом были заложены еще в период Мэйдзи, в результате упоминавшейся выше "сделки века", в ходе которой частному сектору по крайне низким ценам была передана значительная часть созданных государством предприятий базовых отраслей промышленности. Кроме того, акцент на *ва* (гармонии) как основе социального общения не только "обрекает" государство и бизнес на тесное сотрудничество, но и рождает типично японскую модель принятия решений, основанную на переговорах и компромиссах как средствах достижения консенсуса.

В результате основным инструментом согласования действий частного сектора с государственной политикой становится не принуждение, а убеждение. Иными словами, сила и влияние японской бюрократии состоят не в том, что она принуждает частный сектор к определенным действиям, а в том, что она умеет с ним договариваться.

Отношения между бизнесом и бюрократией в Японии можно представить в вид паутины, в которой роль "паука" играет бюрократия. Именно она "плетет паутину", т.е. определяет состав участников переговоров по выработке консен-

суса и организует работу по его достижению. Однако наряду с этой организационной ролью бюрократия играет еще более важную функциональную роль, а именно содействует "социализации" или распределению риска и издержек экономического роста. Эта функция также основана на особенностях национальной психологии японцев.

Группизм - основная социо-психологическая установка японской нации - породил не только ориентацию на достижение групповых целей, но и "эгалитарное" сознание, т.е. представления о том, что все члены группы равны и обладают одинаковыми правами и обязанностями. Подобное сочетание в свою очередь породило такую уникальную национальную черту, как готовность сообща разделить риск, финансовые потери и прочие неприятности.

Разумеется, эта готовность не реализуется автоматически, поскольку японская культура с ее акцентом на *ва* (гармонии) лишь предопределяет стремление к консенсусу, но отнюдь не означает, что он формируется легко и безболезненно. Сложную работу по его формированию берет на себя государство и использует для этого самый тонкий из инструментов регулирования - так называемое административное руководство.

Последнее можно определить как не предусмотренные законодательством действия ведомств или государственных чиновников, направленные на то, чтобы побудить частных лица или частные предприятия предпринять или, наоборот, воздержаться от определенных действий в соответствии с мнением бюрократии. Подобная практика время от времени используется и в других странах, но Японию отличают масштабы и интенсивность ее применения, и причина этого кроется в упомянутых выше социо-культурных особенностях японцев. Как замечает Филлис Гентер, "...хотя и не культура создала административное руководство, она усиливает готовность бизнеса принять его, когда правительство к нему прибегает"¹³.

Поскольку административное руководство - весьма деликатное средство регулирования, японская бюрократия подходит к его применению весьма взвешенно и осторожно. По мнению Дэниэла Окимото - одного из наиболее тонких и глубоких исследователей особенностей государственного регулирования в Японии - основным фактором при принятии решения о его использовании является учет последствий кон-

кретной ситуации. Как правило, бюрократия и, прежде всего МВТП, использует административное руководство в ситуациях, дающих негативный результат (особенно, когда речь идет о распределении издержек). Использование же этого средства "в конкурентной среде с позитивными результатами, отмечает Д.Окимото, - могло бы несколько нарушить рамки инициатив, на которых покоится рыночная конкуренция"¹⁴.

Впечатляющим примером применения административного руководства в ситуациях с негативными результатами служат "добровольные экспортные ограничения", которые в 60-70-х годах вынуждены были принять на себя компании текстильной, сталелитейной, автомобильной и электронной промышленности, а также осуществленная во второй половине 70-х - первой половине 80-х годов программа широкомасштабного скрапирования мощностей в так называемых структурно-больных отраслях, определяющая не только объемы, сроки и объекты скрапирования, но и механизм социализации (распределения) издержек этой крайне болезненной акции.

Весьма часто административное руководство используется бюрократией и для борьбы с таким очевидным "провалом" рынка, как чрезмерная конкуренция. Хотя антитрестовское законодательство в 50-60-х годах неоднократно пересматривалось в сторону смягчения ограничений на создание картелей, тем не менее и прежде и сейчас при посредничестве государственных чиновников создавалось и создается множество полулегальных и нелегальных "антидепрессивных картелей". Их основное назначение - достичь согласия между фирмами-участниками об определенном уровне инвестирования.

Таким образом, особенность государственного вмешательства в экономику в Японии состоит, прежде всего, в опоре на неформальные методы руководства и контроля при относительно незначительных объемах легальных средств регулирования. В частности, с этой особенностью связаны и крайне незначительные (и даже сократившиеся в последние годы) размеры государственной собственности. Как замечает по этому поводу Р.Самуэль, "японское государство не занимается бизнесом, потому что бюрократия может регулировать рынок более эффективно, чем присутствовать на нем"¹⁵.

При этом, учитывая изначально присущую японцам ориентацию на *ва* и консенсус, мы можем предположить, что объем и структура легальных методов государственного регу-

лирования (начиная с размеров государственной собственности и кончая налоговой и кредитно-финансовой политикой) также в значительной степени являются результатом переговоров и компромиссов между бизнесом и правительством. Очевидно, что опора на неформальные методы регулирования (переговоры, компромиссы и административное руководство) требует организации непрерывного и интенсивного обмена мнениями между бизнесом и правительством.

Следует заметить, что процесс принятия решений значительно облегчается высокой степенью "обустроенности" взаимодействия между бизнесом и бюрократией, существующей еще с довоенных времен. Определенная часть этого взаимодействия осуществляется через сеть организаций, основное назначение которых - посредничество между государством и частными предприятиями. К этой категории относятся общественные корпорации, особые юридические лица, смешанные частно-государственные компании, отраслевые промышленные ассоциации, многочисленные консультативные советы при правительстве, специальные группы изучения государственной политики. Эта сеть связывает правительственных чиновников с банковской и промышленной элитой, а также с представителями средств массовой информации, науки, профсоюзов и создает инфраструктуру для постоянного обмена информацией, организаций дискуссий и консультаций.

Однако наряду с институционализированным взаимодействием огромную роль в принятии решений играют неформальные связи между бизнесом и бюрократией. Как известно, в японском обществе личным связям и отношениям придается первостепенное значение. Функционально значимые личные связи возникают, как правило, из общности места рождения, при наличии общих знакомых, из общности образовательного или практического опыта и т.д. Налагаясь друг на друга, формализованные и неформальные связи между бизнесом и бюрократией образуют комплекс взаимосвязей или так называемые сети, в рамках которых и происходит принятие решений. Причем, среди различных факторов, определяющих успех или неудачу политики в той или иной области, решающее значение имеет качество сети, т.е. степень ее организованности и прочности. При том, что сеть функционирует на принципах взаимных обязательств и вознаграждений между бизнесом и бюрократией (правительство обес-

печивает определенные выгоды для частного сектора в ответ на поддержку им своей экономической политики), лидирующее (в японском понимании этого слова) положение в процессе принятия решений в рамках сети занимает, как правило, бюрократия.

В то же время следует иметь в виду, что японская бюрократия далеко не монолитна и представлена институтами, далеко не равнозначными по своей мощи, влиянию и независимости. При этом обычно позиции бюрократии того или иного ведомства зависят, прежде всего, от степени его политизации, т.е. от того, насколько оно чувствительно к политическому давлению со стороны парламента и политических партий, прежде всего ЛДП. По мнению Дэниэла Окимото, степень свободы бюрократов от политического давления в значительной степени зависит от природы взаимоотношений между ЛДП и группами бизнесменов, находящимися под юрисдикцией того или иного министерства. Специфика этих взаимоотношений, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на степень мотивации или готовностью членов парламента от этой партии оказывать нажим на бюрократов¹⁶.

Итак, в отличие от существовавшей в довоенный период модели государственного регулирования, опиравшейся на широкомасштабное использование прямых и косвенных методов регулирования в сочетании с применением во все возрастающих масштабах средств прямого административного контроля и принуждения, в послевоенный период сформировалась качественно иная модель, основанная на использовании не только и не столько легальных или формальных, сколько неформальных методов регулирования - переговоров, компромиссов и административного руководства. При этом, как мы пытались показать выше, при весьма скромных (по сравнению с другими развитыми странами) масштабах прямого и косвенного регулирования, государство в Японии представляет собой весьма могущественную организацию, способную подчинить своей воле и направить в русло своих интересов действия любого из субъектов рынка.

В связи с этим следует еще раз подчеркнуть, что при оценке позиций и роли японского государства в экономической жизни общества нельзя применять чисто западные представления о могуществе и силе, однозначно увязывающие мощь бюрократии с объемом средств контроля и прину-

ждения, которыми она располагает, "ибо лидер в Японии - не тот, кто принуждает, а тот, кто умеет договариваться"¹⁷.

- 1 А.И.Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии. М., 1988, с. 54-55.
- 2 Lodge G. Gobot. Comparative business-government relations. New-York, 1991, гл.2.
- 3 А.И.Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии. М., 1988, с. 56-57.
- 4 Там же, с. 56-57, 61.
- 5 Там же, с. 61, 62.
- 6 Я.А.Певзнер. Государство в экономике Японии. М., 1976, с. 11-12.
- 7 Подробнее см. А.И.Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии. М., 1988, гл. 2.
- 8 Я.А.Певзнер. Государство в экономике Японии. М., 1976, с. 12.
- 9 Так, в 1991 г. доля государственных расходов в ВВП составляла в Японии 15,4%, в то время как в США - 23,4%, Великобритании - 30,9%, Италии - 35,5%, Франции - 23,3%, Германии - 15,7%. В том же году доля налогов в национальном доходе составила в Японии 27,9%, США - 26,1%, Великобритании - 40,6%, Германии - 30,6%, Франции - 33,9%, Швеции - 55,9%. (Japan, An International Comparison. Tokyo, 1993, p. 81, 83). В то же время в Японии доля государственной собственности в совокупном основном капитале составляет около 11%, а позиции государства в ключевых отраслях промышленности, в сфере связи и финансах намного слабее, чем позиции государства во Франции, Италии, Великобритании. Okimoto. D.J. Between NITI and the Market. Stanford, 1989, p. 2).
- 10 Shuji Hagashi. Culture and Management in Japan. Tokyo, 1991, гл. 4.
- 11 The Trade Crisis: How will Japan respond. Seattle, 1987, p. 6.
- 12 Okimoto D.J. Between VITI and the Market, p. 12.
- 13 Phyllis A.Genther. The History of Japan's government-business relationship. Stanford, 1989, p. 204.
- 14 The Political economy of Japan. Vol. 2. Stanford, California, 1989, p. 338-339.
- 15 Samuels R. The Business of Japanese. Atlanta-London, 1987, p. 258-259.
- 16 См. The Political economy of Japan, p. 318-319.
- 17 Shuji Hayashi. Culture and Management in Japan, p. 72.

О ФАШИЗМЕ В ЯПОНИИ

Проблема японского фашизма тесно связана с проблемой научной трактовки самого понятия фашизма или научной концепции фашизма. Только отталкиваясь от более-менее стройной концепции, модели фашизма мы можем дискутировать о том, был ли в Японии фашизм, а если был, то что это был за фашизм... Так или иначе, проблема вращается вокруг вопроса - что является основным показателем наличия фашизма?

Как правило, исследователи данной проблемы идут по пути компаративного (сравнительного) метода исследования, пытаются сопоставлять те или иные факторы имевшие место в Японии со странами так называемого "классического" фашизма. Например, то же делает и профессор Макиё Хори в своей недавно вышедшей монографии.¹ Он принимает на вооружение "фашистский минимум" немецкого профессора Е.Нольте и, отталкиваясь от него, ищет этот самый "минимум" в японской действительности тех лет. Однако между Германией или Италией с одной стороны и Японией с другой лежит тот водораздел, о котором говорил еще Киплинг: "Восток есть восток, Запад есть запад, и им никогда не сойтись..."

Полагаю, что значительно продуктивнее вычленив основные типические факторы, свойственные фашизму, построить на их основе концепцию, а затем уже, оттолкнувшись, попытаться выяснить проблему японского фашизма с позиции идентификации основных признаков присущих не конкретному политическому режиму в той или иной стране, но данному типу политических режимов или движений. При таком типологическом подходе можно надеяться, что все признаки фашизма проявятся вне зависимости от национальных, расовых, культурных и других особенностей конкретной страны. Именно такой подход и предлагается в настоящей статье.

Прежде всего, что такое фашизм? Для ответа на этот вопрос попробуем рассмотреть соотношение фашизма и тоталитаризма. Когда приходится встречать в литературе утверждения, что фашизму присущ такой признак как тоталитаризм, либо еще что-нибудь в этом роде, мне всегда хочется

спросить, а как автор понимает соотношение между двумя этими понятиями? И не являются ли они одним и тем же явлением? Ведь если исходить из этимологического значения слова "тоталитаризм", то что может быть тоталитарнее фашизма? Только, разве что, социализм. А не являются ли все эти "...измы" явлением одного порядка? Вот тут мы и подходим к тому, что есть что-то, что все эти явления объединяет. И здесь трудно не согласиться с утверждением, что родовым понятием для всех явлений такого порядка является тоталитаризм, поскольку мы найдем его признаки во всех из названных диктаторских режимах. А если мы согласимся с таким утверждением, то следующим логическим звеном будет определение тоталитаризма.

Существует несколько концепций, но в нашем случае, мы остановимся на следующей, которая, как представляется, является оптимальной и отвечает на большинство вопросов критиков тоталитаризма.² Согласно этой концепции, тоталитаризм можно определить как сформированную на основе идеологического монизма террористическую структуру, которая опирается на общественно-политическое движение, при абсолютной концентрации власти в руках ее лидеров. В форме "тоталитарного максимума" (т.е. наиболее ярко выраженной форме, каким он проявился в Германии и СССР) он включает в себя следующие основные признаки. 1. Абсолютная концентрация власти при авторитарной форме правления, которой свойственны: а) соединение законодательной и исполнительной власти; б) принцип "вождизма". 2. Идеологический монизм, практическим воплощением которого является однопартийная политическая система при фактическом отсутствии демократических институтов. 3. Наличие общественно-политического движения (в том числе - религиозно-политического) (далее ОПД), создающего массовую социальную базу режима.

Нужно заметить, что последний признак занимает определяющее место для характеристики тоталитаризма. Еще Ханна Арендт замечала, что тоталитарные режимы возникают на базе общественно-политического движения тоталитарного типа. Не вдаваясь в глубокое исследование, заметим лишь, что определяющее место данного признака объясняется следующими причинами. Во-первых, именно через общественно-политическое движение происходит формирование в общественном сознании широких масс населения тоталитарной идеи, под которой понимается совокупность мифов

данного движения и которая заключает в себе ценностный критерий организации данного общества. Во-вторых, через ОПД достигается всеохватывающий контроль тоталитарного государства над всеми проявлениями общественной жизни, что и обеспечивает осуществление тоталитарного господства власти. В-третьих, в конечном счете, ОПД позволяет осуществить не просто тотальный контроль над массами, но именно позитивное отношение масс к тоталитарному режиму, другими словами, тотализировать массы "изнутри", что, в свою очередь, достигается через атомизацию общества.

Непременный атрибут тоталитарной структуры - атомизация общества, в силу своей важности заслуживает значительного внимания, однако, будучи ограничена рамками статьи, остановимся лишь на его общей характеристике. Тоталитарное движение изначально строится на принципах предельной атомизации своих членов, то есть - сначала преобладание связей с Движением, верности Движению - над личными связями, привязанностями к семье, друзьям, знакомым, а затем (по мере развития Движения и формирования тоталитарной диктатуры) - полная утрата личных связей ради занятия подобающего места в Движении. После установления тоталитарного режима атомизация распространяется на широкие слои общества при помощи аппарата устрашения, который действует через систему доносительства и круговой поруки, закрепляя, таким образом, эффект массовой тоталитарной пропаганды. "В обстановке всеобщей подозрительности, когда лояльность режиму измеряется числом доносов, любые личные связи становятся обоюдоопасными. Элементарная осторожность требует отказа от тесных связей, чтобы не ставить близких людей в такое положение, когда они ценно спасения собственной жизни будут вынуждены погубить тебя. В результате, достигается предельно возможная атомизация общества, изоляция индивида, и любое несогласие с политикой тоталитарного государства, либо раскол между индивидом и обществом сразу же ставит индивида вне закона. Единственной положительной чертой становится безусловная и неизменная преданность Движению со стороны каждого его члена".³ Таким образом, через общественно-политическое движение атомизированного общества достигается эффект "слияния с властью", несмотря на абсолютную отстраненность людей от нее, и, как результат, - "народ не безмолвствует, как в феодальных государствах прошлого, нет, народ поет, кричит "ура" и рукоплещет казням".⁴

К указанным трем добавим следующие признаки тоталитаризма: 4. Государственно организованный террор, основанный на перманентном и тотальном насилии. 5. Экономическая автаркия при жесткой регламентации экономики и существенной доле внеэкономического принуждения. 6. Антилиберализм.

В зависимости от основного ценностного критерия организации тоталитарного общества, который, как сказано выше, выражен "тоталитарной идеей", можно рассматривать три формы тоталитаризма. 1. Правая форма - фашизм - национальный (расовый) критерий организации общества. Примером могут служить режимы Гитлера (Германия), Муссолини (Италия) и др. 2. Левая форма - социализм (коммунизм) - классовый (социальный) критерий организации общества. Наиболее яркий пример - сталинский режим в СССР. 3. Религиозная форма - религиозный критерий организации общества. Пример - исламский фундаментализм в Иране периода Хомейни. Следовательно, исходя из квалифицирующих признаков правой формы тоталитаризма, фашизм можно сформулировать следующим образом: фашизм есть правая форма тоталитарного режима, которая характеризуется национальным (расовым) критерием организации общества. Понятно, что под термином фашизм подразумевается политический режим фашистского типа. Если же мы будем говорить о фашизме как движении, то его можно определить как оппозиционное националистическое политическое движение, которое носит непримиримый характер и имеет целью установление диктатуры в той или иной форме.

Отталкиваясь от приведенных формулировок, мы с достаточным основанием сможем судить, был ли предвоенный японский режим фашистским или нет.

Тут, думаю, следует сделать одно замечание. Некоторые авторы смешивают эти два понятия: фашизм как режим и фашизм как движение. Любопытный факт: исследователи японского фашизма, как правило, с легкостью интерполируют японское фашистское движение, существовавшее до 26 февраля 1936, и все, что с ним связано, на политические процессы в Японии после разгрома путча. Словно не замечают, что это довольно разные явления, не имеющие непосредственной связи между собой. Как будто не правительственные войска по настоятельным требованиям императора разгромили путчистов, а сделала это некая сторонняя сила, откуда-то из-за рубежа... Такой подход характерен прежде всего для целого

ряда японских исследователей и приводит обычно не только к путанице в определениях, но и к нарушению логики исследования.

Когда М.Хори показывает, что предвоенный японский режим носил фашистский характер, а роль харизматического лидера выполнял император, то понятно, что речь идет о политическом режиме. Но тут же, говоря о сравнительных характеристиках фашистских программ, М.Хори приводит в качестве аргумента программную работу Кита Икки "План реконструкции Японии". Последний действительно был главным идеологом фашистского по своему характеру движения, но прямого отношения к правящему режиму не имел, и потому анализ его построений не укладываются в логическую цепочку доказательств фашистского характера предвоенного японского режима. Поясню. Когда мы сравниваем программные установки, например, итальянских фашистов и германских нацистов и при этом речь ведем о политических режимах Германии и Италии, то это является достаточно корректным сравнением, поскольку в обеих странах фашистские движения пришли к власти. Но когда в качестве аргумента, доказывающего фашистский характер режима в предвоенной Японии, делается ссылка на японское фашистское движение, то это не представляется корректным, поскольку путч активистов этого движения был разгромлен, а сам Кита был казнен тем же самым предвоенным японским режимом. И надо сказать, на последующую политику этого правительства программная работа Кита никак не повлияла. В формальной логике подобная ошибка называется "подменой понятий".

Говоря о социальной опоре японского фашизма, ряд исследователей, в том числе и профессор Хори, относят к этой категории созданное в октябре 1940 года движение "Тайсэй ёкусан кай". В российской историографии его называют "Ассоциацией помощи трону". Оговариваясь, что оно было "квази-массовым движением", японский историк тем не менее заявляет, что оно являлось "заменителем (substitute) массового фашистского движения".⁵ Попробуем рассмотреть корректность такого утверждения.

Итак, основной показатель тоталитаризма, (а значит и фашизма как его формы) - есть общественно-политическое движение, ядро которого представлено политической партией тоталитарного типа. Блок "партия -ОПД" создает ситуацию, когда партия внедряется во все сферы общественной жизни, и ее поддерживает большая часть непартийного населения. А

поскольку партия является правящей и, как правило, единственной, то все ее решения через разветвленную партийную структуру и поддерживающую ее часть населения доводятся до всего общества и исполняются руками самого общества как "воля широких народных масс". Именно таким образом достигается эффект тоталитаризма, когда власть осуществляет контроль и проводит все свои решения через общественно-политическое движение от имени и руками самого народа. Имела ли место подобная ситуация в предвоенной Японии?

Для ответа на этот вопрос посмотрим, что из себя структурно представляла "Ассоциация помощи трону" (далее АПТ), и была ли она действительно политической партией. Вкратце, структура АПТ выглядела следующим образом. Во главе Ассоциации стоял президент, которым, по должности, был премьер-министр. При президенте были советники и директора, составлявшие "центральный штаб движения". При штабе существовал "центральный секретариат", состоявший из бюро и отделов. В префектурах, уездах, городах и поселках также были созданы местные отделы АПТ, которые, в определенной степени, копировали центральные органы Ассоциации. Бюджет АПТ утверждался парламентом, а весь руководящий состав АПТ назначался президентом на срок в один год, после чего назначение могло повторяться. Назначения в местные органы АПТ проводились президентом по представлению губернаторов префектур, уездов и так далее, и потому местные отделы Ассоциации в значительной мере состояли из чиновников местной администрации, отставных военных и др., в то время, как депутаты парламента, некогда представлявшие политические партии, занимали лишь около десяти процентов.⁶ Низовой ячейкой АПТ была соседская община "тонаригуми", при помощи которой, как пишет японский историк Кисака Дзюнъитиро, "осуществлялся не только взаимный контроль в повседневной жизни, но и контроль за распределением по карточкам предметов первой необходимости, предупреждение преступлений, поджогов".⁷

Даже из этого краткого описания структуры АПТ видно, что это была полугосударственная, а точнее, практически государственная бюрократическая система с жесткой подчиненностью по вертикали и имеющая очень мало общего с общественно-политической организацией. Трудно себе представить достижение эффекта тоталитарного ОПД в рамках такой структуры как АПТ. Кроме того, в тоталитарном государстве ОПД стоит над государством, подминает его под

себя, диктует ему свою волю. Другими словами, говорить о том, что "Ассоциация помощи трону" или другие подобные ей организации являлись общественно-политическим движением тоталитарного типа, даже с приставкой "квази", нет достаточных оснований. Это подтверждает и свидетель событий тех лет Рихард Зорге: "...Характер власти, которая должна занять место обреченных на свержение партий и обрести диктаторскую силу в правительстве, совсем другой, нежели в Италии и Германии. В Японии не будет никакого народного движения, которое могло бы после устранения партий выдвинуть вождей нового государства".⁸ В принципе, этого достаточно, чтобы говорить об отсутствии в предвоенной Японии фашистской политической структуры, поскольку в предвоенной Японии не было ОПД тоталитарного типа, поддерживавшего политический режим, а этот признак - ведущий, определяющий.

Но посмотрим аргументацию М.Хори далее. В поиске массовой фашистской партии профессор Хори логично приходит к так называемому движению "молодых офицеров",⁹ о которых он пишет следующее. "...Мы не можем выявить в Японии такие факторы, как массовые фашистские партии, либо лидеров, сравнимых с фюрером или дуче, либо диктатуру одной партии. В Японии, тем не менее, серия военных удач или террористических актов молодых военных или гражданских правых в 1930-х гг. действовали демобилизуя (immobilize) на парламентскую инициативу." И далее: "Эти угрожающие инциденты действовали так же (functioned in the same way), как и успешный переворот, подобный "маршу на Рим" или захват (seizure) Гитлером власти...".¹⁰ Трудно проследить логику подобных параллелей. Конечно, можно говорить о деструктивном воздействии террористических актов японских фашистов на парламент, хотя терроризм в любой форме, не обязательно фашистский, оказывает аналогичное воздействие на власть. Но насколько разумно проведение параллелей между "походом на Рим" Муссолини и приходом к власти Гитлера (оставим в стороне употребление по отношению к Гитлеру термина "захват" власти), с одной стороны, и террористическими действиями японских фашистов, с другой? И Гитлер, и Муссолини в результате прихода к власти создали в рамках существовавшего в стране законодательства совершенно новый политический режим, что имело далеко идущие последствия. Результатом же действий японских фашистов явилось то, что их движение было разгромлено япон-

ским правительством, а сами активисты этого движения были казнены. Так что же здесь общего?

Относительно того, что в Японии не было харизматического лидера, М.Хори пишет, что "харизма японского императора и его прерогативы ... использовались японскими провоенными политическими деятелями и военной властью. Поклонение фасаду императорской власти предотвратило переворот, но, в то же время, воздвигло ширму, за которой могли работать другие интересы".¹¹

Таким образом, по мнению М.Хори, в Японии действительно не было харизматического лидера, но его роль с успехом заменяла харизма императора, за спиной которого военные вершили свои неприглядные дела. Здесь возникает вопрос: о чем идет речь? О харизматическом лидере тоталитарного общественно-политического движения или о роли императора? Если можно говорить о том, что монархия и тоталитаризм являются системами взаимозамещающими, то трудно представить, что они могут накладываться друг на друга. Другими словами, тоталитарная монархия - структура трудно вообразимая. Попробую пояснить эту мысль.

Монархия (абсолютная или близкая к таковой, если мы говорим о диктаторском режиме) предполагает жесткую иерархическую структуру, где вверху - монарх, а внизу - его подданные. Существовавшая в средние века подобная структура власти базировалась, обычно, на внеэкономических методах принуждения и не нуждалась в широкой массовой поддержке, поскольку власть в достаточной степени обеспечивалась богатством и мощью монарха, с одной стороны, и приниженным социальным положением большей части населения, с другой. В таком обществе массы не представляли собой политической силы.

Совершенно иная картина наблюдается при тоталитарном режиме. Имеет место мощная политизация широких масс населения. Лидеры, сами, как правило, выходцы из низов, движимые стремлением к власти под лозунгом модернизации государства с целью достижения социального благоденствия, получают поддержку расколотого, атомизированного общества. В этой ситуации выброшенные на обочину жизни люди, соединяясь с себе подобными, реализуют себя в рамках движения, охотно вступают в его ряды, подталкиваемые благим порывом поддержки заявленных лидерами целей. Такой тандем движение-массы и порождает тоталитарную ситуацию при достижении власти лидерами движения. Вряд ли такого

рода социальные взрывы сопоставимы со спокойным течением жизни в рамках устоявшейся сильной монархии. Монарху незачем быть лидером тоталитарного движения или режима, т.к. он уже обладает достаточной харизмой в рамках существующего строя. Не нужна ему и широкая поддержка масс населения, поскольку он официально является их главой, их "отцом", их повелителем, наконец. Да и тоталитарный характер режима монарху, как уже было показано выше, ни к чему. Смее утверждать, что победа тоталитарного режима возможна лишь в рамках демократического немонархического государства. Пример Италии - скорее исключение, так как ко времени прихода Муссолини к власти институт монархии в стране был в состоянии крайнего упадка, и итальянский монарх практически не играл какой-либо политической роли. Да и сам Муссолини понимал несовместимость монархии с тоталитарной диктатурой. В беседе с министром иностранных дел Испании Рамоном Серрано Суньером (шуриин Франко, один из создателей фаланги) в июне 1942 года, возражая против восстановления монархии в Испании, Муссолини замечал: "Монархия - естественный враг фашизма. Как только она укрепится, она разрушит фалангу..."¹²

Но можно ли говорить о каком-либо подобии итальянского опыта на японской земле? Если, как уже было показано, самому монарху тоталитаризм ни к чему, то может быть кто-то за его спиной действовал, пользуясь "слабостью" императора? Сегодня историки неоднозначно характеризуют японскую монархию того периода, хотя большинство сходятся во мнении, что конституция Мэйдзи, несмотря на конституционную оболочку, носила абсолютистский характер. Можно не соглашаться с такой оценкой, но вряд ли кто отважится назвать японскую монархию того времени слабой. Поэтому, трудно согласиться с аргументацией М.Хори, когда он пытается представить японского монарха в виде харизматического лидера тоталитарного государства.

Весьма любопытны выводы японского профессора. Он пишет: "...В рамках такой структуры не было необходимости в захвате власти или культе лидера, чтобы достигнуть правого фланга, авторитаризма, милитаризированной политической системы. Можно взять аспекты фашизма без изменения каких-либо базовых ... политических структур. А культ императора мог бы заменить культ лидера, поскольку какая-либо акция господствовавшей в то время группы могла быть оправдана именем императора."¹³ Получается, что в Японии

тоталитарная фашистская структура существовала сама по себе в рамках конституции Мэйдзи - без какого-либо общественно-политического движения, на которое бы она опиралась, и без каких-либо политических реформ.

Что приводит японского автора (и не его одного) к подобного рода выводам? Прежде всего, это смешение понятий фашизма как движения и фашизма как режима. Нельзя не согласиться с тем, что в Японии был фашизм, - но лишь на уровне фашистского, тоталитарного по своим характеристикам, движения. Того самого, которое в попытке захватить власть в феврале 1936 года было разгромлено правительственными войсками по прямому приказу императора, а его ведущие лидеры казнены. Говорить же о фашизме в Японии после этих событий нет достаточных оснований, поскольку отсутствовали едва ли не все характерные признаки фашизма, а потому мы не можем характеризовать политический режим предвоенной Японии как фашистский.

Какова же причина того, что фашистское движение в Японии не получило такого же развития как в Италии или Германии и не смогло одержать победу в политической борьбе? Конечно, можно говорить, как это делается во многих работах, посвященных данной теме, об отсутствии в этом далеко не едином движении достаточно сильной личности харизматического типа. Однако, это скорее не причина, а следствие. А причина заключается в том, что стремление к установлению диктатуры, свойственное всем тоталитарным движениям, в японском обществе вступало в противоречие с патерналистским характером этого общества, замыкающегося на "богоподобного" (а значит, харизматического по своей сути) императора. Отсюда и невозможность появления в этом обществе второй харизматической личности, которая бы смогла объединить и подчинить себе все группировки фашистского движения, и как следствие, - неизбежный крах этого движения.

Но может быть в такой специфической стране, как Япония, фашизм существовал в особой форме "фашизма сверху"? Даже не обращаясь ко всем формальным признакам фашизма как правой формы тоталитаризма, можно сказать, что фашизм немыслим без общественно-политического движения тоталитарного характера. Имелось ли после февраля 1936 года такое общественно-политическое движение в Японии? Единственной более-менее близкой к общественно-политическому движению организацией в Японии военного

времени была так называемая "единая политическая партия" Ассоциация помощи трону. Но, как уже было замечено, АПТ не являлась ни "партией", ни вообще какого-либо рода общественно-политическим движением, а была полугосударственной (правильнее было бы говорить "государственной", но элемент "общественного" формально, в небольшом объеме, в ней все-таки присутствовал) бюрократической организацией. А раз так, то в отношении режима, сложившегося в этой стране к началу войны на Тихом океане, мы не имеем оснований заявлять, что он носил фашистский характер. На это же обращает внимание и американский исследователь Джордж Вильсон, который пишет, что концепция "японского фашизма" ошибочна, поскольку в Японии отсутствовало политическое движение, добивающееся власти, формально японская конституционная власть оставалась нетронутой, в то же время и парламентский плюрализм и выборы продолжали существовать.¹⁴

Но если Япония не являлась фашистским государством, то что же объединяло ее с европейскими фашистскими режимами Италии и Германии, союзником которых она выступала во второй мировой войне? Общим для всех этих стран было запоздалое экономическое развитие, что порождало своеобразный комплекс "обойденной нации" (отсюда идеи "перенаселенности", "недостатка территории" и др.). Выход был найден этими странами в соответствии с национальными особенностями. В Германии и Италии фашисты предложили свои идеи, включающие в себя экспансионистский внешнеполитический курс и способы внутригосударственного социального переустройства в русле подготовки к ведению войны, которые были приняты господствующими кругами этих стран. Фашистам была предоставлена возможность реализовать свою доктрину в рамках существующей европейской демократии. Придя к власти, для выполнения поставленных задач фашисты перекроили демократическую парламентскую систему на свой лад, в результате чего и был создан тоталитарный политический режим, внешне сохраняющий некоторую схожесть с демократией.

Что касается Японии, то здесь выдвинутые фашистами идеи не представляли чего-либо оригинального для господствующих кругов и являлись составной частью их политического курса. Разница была лишь в форме реализации этих идей. Фашисты делали упор в достижении целей на тоталитарные методы и на младшее и среднее офицерство в качес-

ве опоры, считая, что только оно, "вышедшее из народа и не зараженное коррупцией" в состоянии выполнить поставленные задачи. Лидеры же страны не видели необходимости в каком-либо самостоятельном фашистском движении. В условиях господства системы патернализма и почитания императора, все эти идеи, как они считали, были вполне выполнимы средствами государственной политики в рамках существовавшей конституционной системы. Форма реализации: замена многопартийности (о которой ничего не говорилось в конституции Мэйдзи) "единой партией" (Ассоциацией помощи трону) и некоторое ограничение (не ликвидация, т.к. это было бы нарушением конституции) парламентской системы.

Именно то, что идеи японского фашистского движения являлись по сути выражением политического курса японских политиков и приводит некоторых исследователей к ошибочному отождествлению японских правящих кругов с японским фашистским движением, которое эти самые правящие круги и уничтожили. Нужно сказать, что, японские политики не приняли программные методы фашистов, посчитав их неприемлемыми. Таким образом, если в Европе реализация проблемы выхода из состояния "обойденной нации" была отдана в руки лидеров фашистского движения, и те, будучи не в состоянии решить заявленные задачи в рамках существовавшего политического строя, обращались к тоталитарным методам, то в Японии эту проблему правящие круги решали собственными силами как раз в рамках существующего политического режима, а вспышка фашистского движения была лишь отражением тех тенденций, которые потенциально существовали в японском обществе, но не получили развития в рамках государственной политики.

¹ Makiyo Hori. The Roots of Japanese Fascism. Continuities, Crisis and the Ideology of Kita and Okumura. Fukuoka, 1995.

² Данная концепция подробно описана в моей статье "Фашизм как форма тоталитаризма". - Общественные науки и современность, №5, 1993, с. 39.

³ Arendt Hannah. Totalitarianism. Part Three of the Origins of Totalitarianism. N.Y., 1968, p. 39.

⁴ Гозман Л., Эткинд А. От культа власти к культу людей. Психология политического сознания. - Нева, 1989, №7, с. 172.

⁵ Makiyo Hori. The Roots of Japanese Fascism, p. 12.

⁶ См.: Латышев И.А. Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. М., 1955, с. 182.

⁷ Тайкэй. Нихон гэндай си. Дайсанкан. Нихон фасидзуму-но какуруцу то хокай (Систематизированный курс современной истории Японии. Т. 3. Японский фашизм: становление и крах. Под ред. Кисака Дзюньитиро). Токио, 1984, с. 15.

⁸ Зорге Р. Статьи, корреспонденции, рецензии. М., 1972, с. 92.

⁹ Не могу согласиться с распространенной в исторической литературе трактовкой "движения молодых офицеров". Под этим термином, как правило, понимается совокупность ультраправых группировок фашистского толка, в которых и численно, и по уровню значимости ведущую роль играли гражданские, а не военные лица.

¹⁰ Makiyo Hori. The Roots of Japanese Fascism, p. 13.

¹¹ Ibidem.

¹² The Ciano Diaries. 1939-1943. L., 1948, p. 518-519.

¹³ Makiyo Hori. The Roots of Japanese Fascism, p. 16.

¹⁴ George M. Wilson. A New Look at the Problem of "Japanese Fascism". Cambridge (Mass.), 1974.

Г.Б.Навлицкая

УРБАНИЗАЦИЯ ЯПОНИИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (60 - нач. 80-х гг.).

Изучение процесса урбанизации требует прежде всего количественной характеристики городского населения. Определение основных параметров урбанизации позволит подойти к изучению проблемы занятости и социальной структуры города, отраслевого и профессионального состава городского населения, уровня и темпов урбанизации.

В материалах переписей, проводившихся в Японии, не указывается какой-либо определенный количественный критерий, применявшийся при выделении городских центров. Распределение населенных пунктов идет по группам, которые представляют соединение всех си или всех гун,¹ или соединение в одной таблице всех си, мати и мура. В первом случае происходит четкое отделение си от мати. Мати оказывается в одной категории с мура, и фактически представляет единое административное целое с деревенскими поселениями.

Однако отделение мати от мура, как происходит во втором случае, в пределах гун все же выделяет его как городское образование, отмеченное специальным термином мати. Наличие двух категорий городских поселений си и мати с переводом и аналогией в переписях с английскими понятиями (city) и (town) также может служить подтверждением этого. В некоторых названиях провинциальных городов встречается чтение того же иероглифа мати как тэ. Встречаются тэ с разнообразными количественными уровнями населения: от 10 тыс. почти до 65 тыс.² Как количественный уровень, так и характер обозначения этимологически восходящего к торгово-ремесленному району средневекового города тэ, мати, использование этого же иероглифа и чтения в современных названиях подтверждает выделение мати и тэ как городских образований.

Очевидно, что в отделении си от мати присутствует использование количественного критерия - городское население с населением свыше 30 тыс. считается си,³ до 30 тыс. -

мати. Однако нижняя граница мати практически слишком подвижна, чтобы можно было определенно назвать линию разграничения между сельскими и городскими районами, между мати и мура. Если учитывать городское население исходя из вышеуказанной методики выделения в переписях, показатели численности населения городов окажутся чрезвычайно заниженными. На 1960 год городское население страны во всех си составляло - 59.333.171 при общем населении 93.418.501, т.е. 63,5%, на 1970 год - 78.166.156 при общем населении 111.939.643, т.е. 74,7%, на 1975 год - 84.967.269 при общем населении 111.939.643, т.е. 75,9%.

Но в действительности численность городского населения страны не может быть подсчитана без учета населения мати, тем более, что численные показатели многих мати превышают нижнюю границу си (например, Ураясу мати - 32251 чел., префектура Тиба, Ёкаи-тиба - 30908 чел., префектура Тиба, Ицукайти - 64893 чел., префектура Хиросима). В то же время переписи дают сведения о мати с населением количественно гораздо меньшим, чем во многих из мура (Иодзиматэ - 1887 чел., префектура Нагасаки) и др. Включение жителей всех мати в общий подсчет городского населения страны приводит к неминуемому завышению показателей. Таким образом, выбор даже такого простейшего критерия, как минимальная численность населения, обнаруживает несопоставимость данных, несмотря на разработанность табулирования и высокий профессионализм всей статистической системы.

Необходимо конкретное исследование, которое могло бы учесть всю специфику разнообразных ситуаций, характерных для сложной картины процесса урбанизации такой высококоразвитой капиталистической страны, как Япония. Материалы переписей (1960, 1970, 1975, 1985 гг.), дающие подробные данные с перечнем си, мати, мура, с указанием численности и плотности населения и площади, позволяют попытаться установить некоторые критерии и признаки, необходимые для разграничения городских и сельских районов. Сведения о населении, такие как минимальная численность, статус муниципалитета, минимальная плотность на 1 кв. км и характеристика несельскохозяйственной деятельности были выведены во всех трех переписях на основе общей методики и практики обследования, и поэтому могут считаться вполне сопоставимыми.

В основу классификации "сибу и гумбу" (городских и сельских районов) при проведении переписей, видимо, в силу сложной социально-экономической картины мати были поло-

жены прежде всего административные и нередко формальные признаки. Критерий минимальной численности населения, применяемый при разграничении сибу и гумбу, позволяет лишь провести группировку населенных пунктов по числу населения. Нижним уровнем в этом случае оказывается графа "до 5 тыс."⁴ или "от 2 до 5 тыс.", верхним - свыше 500 тыс. человек. Таким образом, в таблицах, представляющих общее число населения в си, мати и мура, классификация по численным показателям позволяет включать в два низшие раздела (от 2 тыс. до 5 тыс. и от 5 тыс. до 10 тыс.) и мати, и мура. Переписи приводят перечень мати, численный уровень населения которых ниже 5 тыс., и мура, насчитывающие свыше 21 тыс. человек - Акиу-мати (4699) (префектура Мияги), Токаи-мура (25151) (префектура Ибараки) и многие другие.

Материалы переписей приводят и такие данные, как плотность населения в си, мати и мура. Показатель плотности населения обычно дает дополнительную возможность выявить социально-экономическую характеристику населенного пункта. Чем выше плотность, тем более облик поселения имеет выраженные городские признаки, тем меньшее количество населения в нем занимается сельскохозяйственной деятельностью. Классификация населения в материалах японских переписей показывает, что этот критерий не имеет решающего значения или даже вовсе не учитывается при классификации населения. Мура и мати имеют нередко показатель плотности выше, чем в си (Кояги-тэ, префектура Нагасаки, население 5500 чел., плотность 1376 чел., выше, чем в соседнем Сасэбо - 1003 чел.). Территории гумбу в переписи наряду о сибу имеют графу о маркировкой DID,⁵ т.е. указанием на плотно населенные районы. В качестве примера можно привести гумбу префектуры Исикава, где плотно заселенные районы имеют среднюю плотность 6276 чел., тот же показатель для префектуры Иватэ - 6904 чел., префектуры Сайтама - 7592 чел.⁶ Таким образом, практически в основу классификации статистического материала переписей положено два принципа: административный статус и минимальный количественный уровень населения. Это и определило распределение в таблицах всех населенных пунктов согласно количественным показателям численности населения без учета других городских признаков, в том числе и экономической деятельности.

Безусловно, попытка разграничения городского и сельского района на основе применения количественных кри-

териев очень трудна, и результаты ее в значительной мере относительны. Приближение к достоверности требует учета и исследования конкретных, специфических условий формирования и развития каждого городского поселения и обширных дополнительных материалов, особых обследований, касающихся не только экономической деятельности населения, но и морфологической структуры поселения, его архитектурных и хозяйственных признаков. Поскольку рассмотрение характера городских поселений на основе различных количественных показателей может выявить лишь общую тенденцию развития, необходимо их применение в комплексном, возможно более широком сочетании.

Попробуем выделить несколько групп мати, учитывая в их выборочном характере отражение специфических географических и экономических условий развития страны: северные районы - Хоккайдо и Тохоку, Центральная часть Хонсю, Сикоку и Кюсю. Специфика развития Центрального района страны и таких крупных агломераций, как Китакою, когда значительное количество населенных пунктов в зоне влияния крупного центра превращается в единую пригородную территорию с населением, почти полностью занятым несельскохозяйственной деятельностью, позволяет применить нижний количественный уровень процесса урбанизации - 5 тыс. человек. Однако наиболее очевидной границей для разграничения по количественным показателям городских и сельских районов, является поселение, насчитывающее 10 тыс. человек. Тем не менее, в целях наибольшей детализации и конкретизации сведений, относящихся к таким городским поселениям, попробуем провести параллельное сравнение по двум линиям, представляющим поселения о 5 тыс. и 10 тыс. жителей. Выборочным группам мати по разным районам будет предъявлена комплексная шкала критериев, которым мати должны соответствовать в случае квалификации их как городских центров. Шкала показателей включает следующие критерии: минимальная численность населения, плотность населения примерно до 1000 чел. на 1 кв. км, доля несельскохозяйственной деятельности в занятиях населения, грамотность, профессиональная занятость населения и наличие некоторых типично городских признаков (архитектурно-строительный облик поселения, транспорт, сфера услуг). Первые два показателя, как ясно из вышеизложенного, не дают достаточных сведений для выявления уровня развития и типично городских черт населенного пункта. Множество мати по стране значительно превышают избранный нами чис-

ленный критерий 5 тыс. и 10 тыс., даже не только в пределах агломерации. В то же время показатель плотности в значительной части мати не высок - от нескольких десятков до 1000 чел. на 1 кв. км, и возрастает до нескольких тысяч в районах плотной заселенности, отмеченных индексом DID. Городским образованием, как правило, соответствующим двум установленным критериям, являются городские центры с населением 10 тыс. человек,⁷ хотя и их состав весьма неоднороден.

Применение этих двух критериев выявляет в анализе статистического материала одну немаловажную тенденцию - в районах, отмеченных индексом DID (тюдзику) сдвигается соотношение минимальной численности и плотности, безотносительно к административному статусу (мати, мура), нередко растет не столько количественный показатель населенного пункта, сколько показатель его плотности.⁸ В противоположность этому на территориях, не отмеченных маркировкой плотно населенного района, при количественном уровне в несколько десятков тысяч, плотность остается низкой, не превышая нескольких сотен человек на 1 кв. км.⁹ Мати с количеством населения 5 тыс. и более человек на период переписей 1960 и 1965 годов не соответствовали двум вышеупомянутым критериям, и именно они и мура с населением от 2 до 5 тыс. показывают тенденцию наибольшего сокращения населения. Однако уже и в эти годы мелкие городские образования и даже мура в зоне расширяющихся агломераций по общему облику, уровню экономического развития и характеру занятости населения стали обнаруживать тенденции городского развития. Перепись 1975 года свидетельствует, что многие из этих полугородских провинциальных центров в середине 70-х годов отразили процесс, характерный для современного периода: изменение характера сельских районов и низших уровней городского развития, рост количественных показателей населенных пунктов до 10 тыс. жителей и возрастание доли несельскохозяйственного населения в связи с активными агломерационными процессами и расширением районов о плотной заселенностью.

Населенные пункты с количеством жителей свыше 10 тыс. чел. соответствуют и другому из выдвинутых нами условий критериев - критерию относительно экономической деятельности населения.

Занятость в сельскохозяйственной сфере труда составляет для населенных пунктов, насчитывающих 2 тыс. жителей - 65,1%, от 5 до 10 тыс. человек - 62,7%, для пунктов с количеством жителей более 10 тыс. - 56,7%.¹⁰ Соглас-

но международным стандартам населенный пункт, насчитывающий менее 15 тыс. жителей, может рассматриваться как приемлемый при выделении городских районов. Однако приведенные показатели экономической деятельности дают усредненную картину, и правомерным является выделение географических районов с целью возможного учета специфики развития населенных пунктов. Показатели сельскохозяйственной занятости населения чрезвычайно отличаются в районах, отдаленных от центра страны и агломерационных зонах. Киото-фу и Осака-фу показывают стремительное падение доли занятости в сельском и лесном хозяйствах и рыболовстве. На 1960 год в Киото-фу она составила 17,5%, в Осака-фу - 4,4%, по сравнению с переписью 1955 года произошло уменьшение соответственно на 13,3% и 25,9%. В то же время занятость в обрабатывающей промышленности, одной из главных сфер индустриальной деятельности населения, по переписи 1960 года в Осака-фу составила 95,6%, в Киото-фу - 82,5%, показав рост за пятилетие соответственно на 60,6% в Осака-фу и на 47,5% в Киото-фу.¹¹

Отдаленные районы страны, такие как Хоккайдо, Сиоку, Тохоку, показывают иное соотношение, хотя демонстрируют тот же самый процесс, свойственный общим тенденциям развития урбанизации - увеличение доли населения, занимающейся несельскохозяйственным трудом. В префектурах Мияги и Иватэ, Хоккайдо население, занятое в сельском, лесном хозяйствах и рыболовстве, составляло соответственно по префектурам - 46,1%, 56,7%, 35,7%,¹² при этом сокращение за пятилетие (с 1955 г.) занятости в сельскохозяйственной сфере и увеличение в индустриальной было следующее - в Мияги уменьшение на 10% и увеличение на 50%, в Иватэ - уменьшение на 6,6% и увеличение на 49%, на Хоккайдо - уменьшение на 8,2% и увеличение на 49%.

Однако решающим фактором в развитии мати и муря была региональная специфика, расположение их в префектуре, близость или отдаленность от центрального города или других урбанизированных зон. На фоне быстро идущего расширения сферы торгово-промышленной деятельности в этих префектурах было много мати, в которых процент населения, занятого сельскохозяйственным трудом, составлял 70, 76 и даже 84,1%.¹³ По существу эти мати, большая часть которых по количественным показателям населения не достигала 10-тысячного уровня, представляли собой населенные пункты, мало отличающиеся от окружающих их сельских поселений. Нередко наличие формального административного статуса

было единственным отличительным признаком подобных городских территорий. Таким образом региональная проверка условного количественного критерия для мати - 10 тыс. человек - также подтверждает правомерность выдвижения именно этого количественного предела.

Вместе с тем даже по неполному комплексу условных признаков и критериев выявляется очевидность опережающего развития мелких и мельчайших городских и сельских поселений в агломерационных зонах Центральной части Хонсю и северной части Кюсю. Если для мати окраинных районов страны в период с 1960 г. до середины семидесятых годов критерий минимальной численности населения 10 тыс. жителей справедлив, то для агломерационных зон и примыкающих к ним префектур уже в эти годы был правомерен более низкий предел 5-7 тыс. человек. Это подтверждается дальнейшим исследованием характера городских образований, применением к ним в дополнение к ранее использованному условию критериев относительно профессиональной деятельности и грамотности населения.

Поскольку для всей страны характерен процесс быстрого увеличения доли населения, занятого в торгово-промышленной сфере, а численный показатель 10 тыс. жителей, как минимальная граница для городского населения, правомерен для всех районов страны, возьмем средние показатели профессиональной занятости населения в качестве уровня сравнения для характеристики мелких и мельчайших населенных пунктов. Сравнение цифровых показателей занятости в строительстве, транспорте, городском хозяйстве, торговле и в официальных учреждениях показывает, что разрыв между тремя уровнями населенных пунктов (до 2 тыс., от 2 до 5 тыс. и от 5 до 10 тыс. жителей) практически незначителен.

В то же время сравнение показателей грамотности населения мелких и мельчайших населенных пунктов с выделенными нами городами с населением 10 тыс. жителей, свидетельствует в пользу первых. Процент специалистов инженерных профессий здесь почти такой же, как и в мати с населением 20 тыс. чел. (соответственно 3,5 и 3,6%), а имеющих высшее образование (дипломы университетов и институтов) выше, чем в мати с десяти тысячным населением (соответственно 2,3 и 2,2%).¹⁴ Безусловно, эти цифры отражают специфику Японии, высокоразвитой страны с почти повальной грамотностью, обязательным средним образованием. Вместе с тем это определенный показатель в направлении

развития низших городских уровней (мати) и сельских поселений (мура), когда количественный уровень и административный статус не дают исчерпывающего ответа о характере населенного пункта и действительной, а не административной его принадлежности к сельскому или городскому району. Сведения переписей, использованные в комплексном сочетании, даже в усредненной цифровой картине на 60-е годы обнаруживают довлеющее воздействие агломераций и зон тяготения к большому городу на характер развития мелких и мельчайших населенных пунктов, содействуя превращению этих районов в огромную пригородную зону со смешанным типом занятий населения. Созданию единого урбанизированного массива содействует разветвленная и точно работающая система коммуникаций, позволяющая жителям мати и мура за сто с лишним километров ездить в префектуральный или столичный город на работу.¹⁵ Именно этим в значительной степени можно объяснить наличие в населенных пунктах с количеством населения до 2 тис. чел. значительной доли жителей, имеющих высшее образование, закончивших высшую среднюю школу, работающих в сфере управления и обслуживания, в торгово-промышленной сфере. К тому же и сфера наемного труда таких поселений может включать использование высококвалифицированного труда, такого как инженерный, преподавательский, труд счетных работников в общественном хозяйстве и т.д.

Распространение зоны влияния большого города определяет значительные изменения и в сфере сельскохозяйственной деятельности населения. Расширение городских территорий не только приводит к абсолютному сокращению площадей возделывания риса, но и интенсивному использованию земель под "зеленое" пригородное хозяйство (тепличное овощеводство, цветоводство, выращивание ягод, грибов и т.д.). Этот процесс постоянного изменения городских и сельских территорий отражается в специальных приложениях к материалам каждой из переписей, где приводится перечень территорий с изменением названия и границ, количеством населения и хронологией официальной фиксации новых дефиниций.

Тенденция все большей концентрации населения в агломерации Центрального района Хонсю видна и в изменении административного статуса поселений. По переписи 1975 года в префектурах агломераций Канто и Кинки и агломерации Китаюсю быстро сокращается количество мура (в Осака-фу осталось две мура, в Киото-фу - одна, в Канагава-кэн - одна, в

Сига - одна и т.д.¹⁶), а некоторые префектуры вообще теперь не имеют населенных пунктов с административным статусом мура (Хёго, Кагава). Если учесть при этом, что префектура Хёго, Осака-фу и Киото-фу - это соседние, граничащие друг с другом территории, представляется закономерным рассмотрение этого района как единой урбанизированной зоны с различными уровнями развития городских образований. Однако для выяснения социально-экономического характера и перспектив развития рассматриваемых районов необходим возможный учет сведений, касающихся мура. Из 637 мура,¹⁷ зафиксированных материалами переписи 1975 года в 47 префектурах страны, 67 было сосредоточено только в одной префектуре (Нагано), в остальных 46 распределение деревенских поселений обнаруживало невысокие количественные показатели (от 0 до 37), возроставшие от агломерационного центра страны к окраинам.

Сведения переписей 1960, 1975 годов относительно мура и в отдаленных префектурах, и в плотно населенных районах агломерационных зон выявляют две тенденции их развития: или прогрессирующее сокращение населения и сокращение площади (обычно это территории, отмеченные маркировкой DID), или стабильное сохранение количественных показателей, нередко с прогрессирующим от переписи к переписи увеличением населения. Однако если проявление первой тенденции говорит о процессе, характерном в абсолютных показателях для всей страны, включая и такие территории, как префектура Нагано, то проявление второй - далеко не однозначно. Казалось бы, в отдаленных сельскохозяйственных районах страны на севере Хонсю, на Хоккайдо сельские поселения по количественным критериям численности населения и показателям занимаемой площади должны были демонстрировать стабильное и даже с перспективами дальнейшего развития, положение. Однако в префектуре Нагано из 67 мура только 9, т.е. 13,4%,¹⁸ показали на 1975 год стабильное состояние, а 58, как, впрочем, и окружающие их соседние мати, обнаружили постоянно расширяющейся процесс сокращения как населения, так и территории. Процесс урбанизации вносит большие изменения и в эти районы. В интенсивно идущем в стране процессе сокращения сельскохозяйственного населения, мура, продолжающие существовать и показывать увеличение населения, расположены в значительной мере не столько в сельскохозяйственных районах, сколько в расширяющей свои границы урбанизированной зоне. С одной стороны, это мура с предстоящим измене-

нием административного статуса, так как в силу географического положения они оказались в границах расширения пригородных зон, а некоторые из них даже в районах плотной населенности¹⁹ и, следовательно, получили перспективы городского развития. С другой - ликвидация мура, где основой сельскохозяйственной деятельности было рисоводство на заливных полях (суйдэн), и в то же время сохранение тех из них, где формировались сельскохозяйственно-промышленные центры, животноводческие комплексы, птицефермы. Уровень экономического развития и характер занятости населения таких мура свидетельствовал о тенденциях формирования на их базе специализированного, высокопроизводительного сельскохозяйственного производства, работающего на город, связанного с ним сетью разного класса дорог, производства, включенного в инфраструктуру района и префектуры.

Однако рассмотрение различных групп населенных пунктов требует привлечения дополнительных к количественным характеристикам материалов, в частности, сведений о типично городских признаках, об архитектурно-строительных особенностях, планировке, физической структуре поселения и транспортных службах.

Материалы различных японских журналов,²⁰ полевых этнографических обследований, многотомных изданий с исследованиями по истории, культуре различных географических районов, архитектурно-строительных периодических изданий свидетельствует о том, что общий облик современного большого японского города, во всяком случае его центральных районов, активно эволюционирует в сторону все большего наполнения многоэтажными зданиями западного, или точнее, интернационального облика. Архитектурно-строительная характеристика рассматриваемых населенных пунктов с низкими показателями количественного уровня населения (от 2 до 10 тысяч), как правило, свидетельствует о национальном характере застройки. Морфологическая структура поселения обычно повторяет характерную для конца феодального периода и первой половины XX века застройку²¹ с квадратами кварталов, вытянувшихся вдоль основной магистрали. В начале 60-х годов для планировки и складывания физической структуры подобных населенных пунктов решающее значение имели традиционные соседские связи, определявшие расположение домов на улицах и даже периодическое отступление от четкой системы квартала. Физическая структура населенных пунктов с низким количественным уровнем населения периода 70-х - начала 80-х годов показывает значитель-

ное изменение. Сохранение строений национального типа сочетается в застройке с новыми зданиями официальных учреждений, как правило, имеющими сугубо современный западный облик. В агломерационных зонах Кинки, Тюкё, Канто рассматриваемых с 60-х годов как формирующийся единый урбанизированный массив - мегаполис Токайдо, складывается тип смешанной застройки пригородного характера. При этом одноэтажные, двухэтажные дома традиционного облика, имеющие незначительные участки земли, все чаще строятся из нетрадиционных материалов. При сохранении же традиционных материалов, традиционного конструктивного решения и внешнего облика, национальный интерьер нередко сочетается с западным и оснащается современными удобствами (освещение, паровое отопление или кондиционер, канализация).

Высокий экономический потенциал страны, расширяющееся введение достижений НТР, широкое тиражирование средствами массовой информации жизненных стандартов и вкусов, а также растущая доля населения в агломерационном скоплении городских поселений,²² приводит ко все более отчетливо проявляющейся тенденции - возникновению единого стандартизованного облика средних и мелких населенных пунктов на японских островах. При этом большое значение имеет то, что по конструктивной основе и внешнему облику одноэтажные и двухэтажные деревянные дома в пригороде и даже мура мало чем отличаются от застройки окраинных районов больших городов так называемой "деревянной Японии". Нивелировке облика провинциальных населенных пунктов содействует также характер развития (особенно с начала 60-х годов) коммуникационных связей, транспортной системы, которая благодаря широкому охвату островов сетью скоростных и обычных железных и шоссейных дорог делает естественной и действенной связь малого населенного пункта не только с префектуральными и уездными центрами, но и с крупными центральными городами страны. С этих условий значительное распространение асфальтированного покрытия улиц, электрическое их освещение, сквозные шоссе и магистрали, вдоль которых размещаются кварталы смешанного строительства, перестают играть роль типично городских признаков, точно так же, как всевозможное техническое оснащение дома (холодильник, радиоприемники и воспроизводящая аппаратура, телевизоры, стиральные, кухонные машины и т.д.), переходя в разряд стандартов, отмечающих уровень жизни. Для мура и мати с

населением свыше 5 тыс. человек, расположенных в агломерационных зонах и районах плотной заселенности, для населенных пунктах, где сокращаются сельскохозяйственные угодья и падает доля населения, занятого в сельском хозяйстве, более серьезным признаком перспектив городского развития являются показатели количественного уровня и плотности населения. Наличие типичных городских признаков - строения городского облика, транспортной системы, приближающейся по уровню к городской, для Японии 70-80-х годов - явление широко распространенное. В наибольшей мере сохранили специфику архитектурно-строительного облика мура и мати с населением менее 5 тыс. человек в северной части страны - на Хоккайдо, в префектурах Ямагата, Аомори, в горных районах Нагано, а также в глубинных территориях Сикоку и Кюсю.

Таким образом, выделенный нами критерий минимальной численности населения при разграничении городских и сельских районов - 10 тыс. человек, справедлив в единичном и комплексном применении для всех районов страны в период 1960-1975 годов.

В то же время для агломерационных зон и районов юга Хонсю, севера Кюсю, юго-западной части Хоккайдо и районов Сикоку, обращенных к Сэто Найкай (Внутреннее Японское море) уже в начале 70-х годов применим минимальный критерий численности городского образования 5-7 тыс. человек. По материалам переписи все городское население, выделенное в раздел сибу, т.е. население только си на 1 октября 1975 года, исчислялось в 84.967.269 человек, что от общего населения страны в 111.939.643 человек составляло 75,9%.

Если попытаться провести разграничение городских и сельских районов, применяя критерий минимальной численности городского образования в 10 тыс. и 5 тыс. человек, с одновременным предъявлением комплексных критериев, это позволит выявить определенное завышение данных официальной статистики о городском населении Японии. Такое заключение относится к 60-м годам и тем более очевидно для периода 70-80-х годов.

По данным официальной статистической информации, гумбу, объединяющие население мати и мура, на 1 октября 1975 г. имели общий количественный показатель по стране - 26.972.374, т.е. 24,1% от всего населения японских островов.

При этой системе разграничения городских и сельских районов в классификационный отдел гумбу были внесе-

ны и объединены с деревенскими поселениями не только все мати, не имевшие административного статуса си, но и все городское население префектур, где вообще не было или было незначительное количество мура.

В этих условиях мы сочли целесообразным осуществить прямой пересчет населения всех мати, внесенных в материалы переписи (1976 пунктов), с одновременным предъявлением вышеупомянутых комплексных критериев (плотность, размер территории, занятость населения, грамотность, типично городские признаки и т.д.). Параллельно то же предъявление критериев было осуществлено в отношении 637 мура, зафиксированных в материалах переписи, с учетом региональной специфики как в первом, так и во втором случае, т.е. в отношении и городских, и деревенских образований. Полученные таким образом результаты показывают завышение количественных показателей городского населения страны в официальных статистических материалах на 60-е годы примерно на 6,8%, на 70-80-е годы на 8,5%.

При этом, конечно, необходимо учитывать, что пытаюсь применять условные количественные критерии как основу для выявления общих черт, характеризующих степень городского развития, территориальных охват и характер процессов урбанизации, мы допускаем возможность известных отклонений от основных и определяющих тенденций. Кроме того, можно предположить некоторое завышение показателей городского населения уездов, если учесть, что не для всех мати с населением 5 тыс. человек реализуются перспективы городского развития, и они останутся на стадии полугородского совмещения сфер занятости населения.

Тем не менее можно придти к выводу, что уровень урбанизации, активность и интенсивность ее охвата территории японских островов гораздо выше, чем это зафиксировано материалами официальной статистической системы страны.

Скорректированные количественные сведения, о городском населении Японии дают интересный материал и представляют широкую базу для изучения разнообразных аспектов процесса урбанизации в Японии, также как и большого круга проблем, касающихся расширения сферы капиталистического производства, социальной структуры, размеров и направления миграции, регионального распределения и концентрации представителей наемной армии труда. Значительный интерес в количественной картине урбанизации представляют сведения об изменении числа жителей, площади и показателей плотности, занятости населения различных горо-

дов. Такие данные позволяют выявить роль и место, функции различных городов как в общем, так и региональном процессе урбанизации на японском архипелаге.

- 1 Си, мати - город, мура - деревня, гун - уезд. Разнообразные статистические данные в переписях - сведения о численности населения, плотности и территории, видах занятости и т.д. построены на использовании этого способа группировки - "все си и все гун", "сибу и гумбу" (городские районы и сельские).
- 2 Кокусэй тэса хококу. Т.1. - 1975. - С.118-119, 137-138, . 144-145, 154-157.
- 3 Используется количественный критерий, определенный исследовательскими организациями ООН.
- 4 Дзинко соран, т. 1. - 1960. - С. 126.
- 5 DID - Densely Inhabited Districts - категория, впервые введенная переписными органами Японии в 1960 г. и дающая возможность более точного выделения урбанизированных районов.
- 6 Кокусэй тэса хококу, т. 1. - 1975. - С. 90-91, 54.
- 7 Источник: Дзинко соран 1960, т. 1, ч. 2, 0.168-182; ч. 5. - Кинки, с. 184-194. Часто сокращается площадь мура или мати за счет наступления соседнего си, и плотность таким образом возрастает.
- 8 Там же.
- 9 Например, территория двадцати одного мати в префектуре Фукуока в зоне влияния Китакою, также как и двадцать си, отмечена в переписи 1960 года индексом DID.
- 10 Источник: Дзинко соран, ч.1, 2, 5, 6.
- 11 Источник: Дзинко соран, 1960, ч. 5. Кинки. С. 1-30, 31-49, 161-181, 137-151.
- 12 Источник: Дзинко соран, 1960, ч. 2. С. 6-39, 81-105, 163-176, 191-207.
- 13 Источник: Дзинко соран, 1960, ч. 2. 0.16-27, 174-175, 204-205.
- 14 Кокусэй тэса. 1960. Дзинко соран. Соно ити дзэнкоку кэн. - Токио, 1965. - Ч.1. - С.80.
- 15 В столичной зоне ежедневно "маятниковая миграция" (дорога от места жительства до места работы в Токио) захватывает расстояние в 120-160 км. По материалам переписи 1960 г. по всей стране из населения старше 15 лет 9 млн. 240 тыс. приезжали на работу и учебу в другие города и населенные пункты, в том числе на работу или учебу в 6 крупнейших городов - Токио, Иокогама, Нагоя, Киото, Осака, Кобэ - 5 млн. 80 тыс. человек (в эти показатели включены и те жители этих крупных городов, которые ездят на работу и учебу в другие районы (Ку - городской район в переписях приравнивается к си). Кокусэй тэса, 1960. Дзинко соран. - Токио, 1965. ч. 1. - С. 84-88.
- 16 Источник: Кокусэй тэса хококу Дай ити кэн. Дзинко сосу. - Токио, 1975. - С. 45-169, 170-173.
- 17 Источник: Кокусэй тэса хококу. Дай ити кэн. Дзинко сосу. -Токио, 1975. - С.45-170, 170-175.

- 18 Источники: Кокусэй тэса хококу. Дай ити кэн. Дзинко сосу. - Токио, 1975. - С.96-90. Кокусэй тэса. 1960. Дзинко соран. Соно ити дзэнкоку кэн. - Токио, 1965. - С. 104, 120.
- 19 На 1975 год материалами переписи было зафиксировано 4 мура, находящихся в зоне с маркировкой DID (одна в префектуре Сидзуока, три - в префектуре Окинава). Источники: Кокусэй тэса. 1960. Дзинко соран, соно ити дзэнкоку кэн. - Токио, 1965, ч.1. - С. 122-127. Кокусэй тэса хококу. Дайити кэн. Дзинко сосу. - Токио, 1975. - С. 169.
- 20 The Japan Architect, Tokyo, 1972-75, 1980, 1981. Асахи гурафу - 1975-76, 1980, 1981.
- 21 Морфологическая структура как мелкого и среднего городского образования, так и деревенского поселения, имеющая одну и ту же социальную базу, практически не имеет и в настоящее время серьезного отличия.
- 22 Общее число населения, живущее в зонах крупнейших агломераций, составляло по данным переписи 1975 г. 55.287.872 чел. (49,4% от общего населения страны). Токийская зона - 27.037.267 чел., зона Тюкё - 9.417.461 чел., Осакая зона или агломерация Кэйхансин - так в последние годы в японской прессе стало называться слияние городских и пригородных массивов в префектурах Хёго, Нара, Осака-фу, Киото-фу и примыкающих к ним в соседних префектурах Сига, Вакаяма. Кэйхансин - 16.770.000 чел. Зона Китакою (Китакою, Фукуока) - 2.060.259 чел. Источники: Кокусэй тэса хококу. Дзинко сосу. Дайити кэн. 1975. - С. 150-153.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ УЗЛОВЫХ СОБЫТИЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ

Историю нельзя переписать заново, она есть нечто свершившееся, и слова Гераклита Эфесского о невозможности дважды войти в одну реку в первую очередь относятся к ней. Что же касается интерпретации истории, то она может и должна меняться. Не из-за меняющейся политической конъюнктуры и не потому, что со временем исторические исследования обогащаются новыми фактами, свидетельствами очевидцев, рассекреченными документами. Главная причина - раскрепощение взгляда на историю, очищение от ошибок, фальши и мифов, возможность строить методологию исторического исследования на принципах беспристрастности, объективности и здравого смысла.

Эти замечания справедливы в полной мере и в отношении отечественной историографии послевоенной Японии. Вместе с тем, написание истории на новых методологических принципах - задача очень сложная. Оно предполагает не простое переключение идеологических ориентиров с «плюсов» на «минусы» и наоборот, а более глубокое проникновение в суть событий, отказ от вульгарной или схематичной интерпретации, подогнанной под заранее подготовленную теоретическую схему, более полный учет субъективных, социопсихологических факторов.

Необходимо новое проблемное структурирование истории, выделение узловых проблем, которые являются критически важными с точки зрения понимания исторического процесса.

1. Прежде всего необходима строгая и последовательная логика в периодизации всего послевоенного периода. Если исходить из того, что границей между отдельными периодами истории являются события, которые качественно меняют сущность страны по комплексу внутренних и внешних признаков, в первом случае - социально-экономические и культурно-психологические параметры, во втором - параметры страны как субъекта международных отношений, то по-

слевоенный период может быть поделен на следующие главы и параграфы. При этом периодизация может строиться исходя из приоритетности эволюции внутренних параметров или приоритетности внешних параметров. Это не столько вопрос вкуса, сколько выбора логики периодизации. В данном случае выбор сделан в пользу приоритетности внешних факторов. Любопытно, что эволюция внутренних и внешних параметров в целом совпадают хотя и могут расходиться во времени.

Глава 1. Оккупация и реформы 1945-1951 гг.

Глава 2. Возрождение и быстрые темпы экономического роста в годы первой фазы «холодной войны», 1952-1969 гг.

Глава 3. Вторая фаза «холодной войны» и крах ее системы, 1970-1991

Глава 4. В поисках новой стратегии, 1991 - по настоящее время.

2. В первой главе представляется важной оценка причин краха милитаристской Японии как системы, которая не могла выжить в силу присущих ей органических пороков: милитаризованность экономики, политический деспотизм и авторитаризм, антигуманизм и противоречии с этнокультурными и социо-психологическими традициями. Скорее всего, абсолютизм в лице японской монархии эпохи Мэйдзи со всеми специфическими чертами, имея утопическую возможность демократизации в период Тайсё под влиянием целого ряда факторов быстро превратился в свою противоположность - в тоталитаризм, систему, в которой власть военных оказалась преобладающей, а некоторые черты просвещенной монархии подавленными. Разумеется, с учетом японской специфики следует обратить особое внимание на то, насколько терминология - абсолютизм, просвещенная монархия, демократия и пр., принятая в западноевропейской историографии, применима к японскому обществу (как хорошо известно, по теории этого вопроса существует огромная литература).

От ответов на поставленные вопросы зависит в значительной мере одна из ключевых проблем - оценка демократических реформ, осуществленных в условиях оккупации американскими войсками, которые по силе своего воздействия на государственную, политическую, экономическую и психологическую сферы можно сопоставить с демократической революцией. Вместе с тем, очевидно, что по многим своим параметрам эта не была революция. И именно потому, что она

совершалась путем реформ и реформирования, а не разрушения и уничтожения. Более того, все реформы пропускались через сито национальной традиции и корректировались с их учетом.

По сути в послевоенных реформах мы находим образец синтеза современного с традиционным, когда новые институциональные реалии в виде представительной демократии, свободы слова, собраний и организаций, формирования независимых и дееспособных профсоюзов, разрушение монополий, радикальная аграрная реформа - соединялись и органично взаимодействовали с неинституциональной социальной психологией, групповым структурированием общества по функциональному признаку, сохранением отношений вертикального типа с элементами деспотии внутри групп, сильным традиционно влиянием государства и его социальных «агентов» - бюрократии.

Наиболее часто приводимый пример такого синтеза - сохранение императорской системы. Ее новым функциям в японском обществе должно быть уделено особое внимание. Английская аналогия - система королевской власти в Великобритании, как известно, испытывает серьезный кризис. Существующая здесь практически по тем же причинам - для сохранения национальной идентичности и культурно-психологического ядра, японская монархия, как институт, подвергается демократизации. Однако в отличие от Англии здесь пока не наблюдается ее моральной эрозии.

Одновременно, серьезной задачей является выявление устойчивых тенденций в социальных и социально-психологических структурах современной Японии - насколько бурные процессы модернизации образа жизни современных японцев подрывают ее традиционные ценности, нивелируют ее специфику и ведут к унификации японской типа цивилизации с общемировым.

В анализе реформ важно отметить, что они в целом легли на благодатную социальную почву, феноменально восприимчивую к новому и прогрессивному. Написание послевоенной истории должно в той или иной мере дать ответ и на вопрос о том, в чем были причины и механизм феноменально быстрого восстановления экономики и социальной сферы, и последующих беспрецедентных темпов роста.

Именно в истории послевоенных лет можно их обнаружить. Послевоенные успехи не результат идеологической

пропаганды, искусственного ажиотажа или социальной ангажированности. Сработали традиционные факторы - огромные потенции японского общества к социальной мобилизации. За счет таких качеств как исключительно высокий уровень национального самосознания, общенациональное согласие в отношении задач, стоящих перед страной, умение выжить в тяжелых условиях, способность личности к самопожертвованию во имя коллективных целей, трудолюбие и умение трудиться, экономность и бытовая скромность, умение правильно расставлять приоритеты и не торопить события, добываясь необходимого результата в нужное время. Следует отметить и сам принцип самоорганизации японского общества, состоящего из групп, объединенных между собой по «сетевому» типу, который в отличие от «ячеистого» более эффективен, поскольку в «сети» все элементы важны, функциональны и зависят друг от друга, и между ними нет высоких барьеров.

3. Важно проследить как возникшие в результате реформ новые институты власти и социального регулирования видоизменялись. Следует рассмотреть вопрос о том, имел ли место «откат» в послевоенных реформах в 50-е годы, особенно с началом войны в Корее. Как представляется, такого отката не было, и тем более «обратного курса». На самом деле, речь шла о крахе идиллической идеи Макартура о превращении Японии в «дальневосточную Швейцарию». Главная цель американцев в их политике демократизации Японии была в том, чтобы создать гарантии против возрождения в Японии тоталитарной системы, которая могла бы снова нанести ощутимый удар по интересам США. Вашингтон был заинтересован в искоренении японского милитаризма, который по своей природе не только агрессивен, но и как правило обращает свое острие в первую очередь против слабых соседей и США, усматривая в них своего главного геополитического противника.

После глубоких демократических реформ США приступили к формированию в лице Токио своего союзника, который должен был противостоять угрозе других тоталитарных режимов на Дальнем Востоке. Возникновение коммунистического Китая и война в Корее показали всю остроту этой проблемы. Именно эти конфликты послужили основой возникшей здесь структуры отношений «холодной войны».

4. В первой главе огромное значение имеет анализ политической системы Японии, возникшей на основе принятия в 1947 г. новой японской конституции, как основополагающего документа, определившего лицо послевоенной Японии. Раньше, как правило, в анализе конституции основное внимание уделялось 9 статье. Сейчас крайне важна более полная характеристика этого документа, как решающего фактора демократизации. Сравнительный анализ конституции с мэйдзийской конституцией может дать яркую картину тех глубоких преобразований, которые произошли в политической системе и государственности Японии.

Необходимо иметь в виду, что в Японии обнародована большая часть секретных архивов японских госучреждений (в стране действует правило об обязательном их рассекречивании спустя 30 лет). Это позволяет дать более точную картину того, как писалась японская конституция и кто был ее автором.

5. В первой главе большое место должно быть уделено анализу с новых позиций Сан-Францисского мирного договора и договора безопасности от 8 сентября 1951 г. К этому примыкает и ответ на вопрос о сущности «доктрины Ёсида» - концепции послевоенного развития Японии, в основе которой такие основополагающие элементы как приверженность мирному пути национального развития, невмешательство в международных конфликтах насколько это было возможно в рамках тесного военно-политического союза с США, сосредоточение всех национальных ресурсов на восстановлении экономики и обеспечении быстрых темпов ее развития, формирование системы особых отношений с Соединенными Штатами, которая с одной стороны позволяла опереться на экономическое и технологическое могущество партнера, с другой - экономить силы и средства на сведении к минимуму военного бюджета.

История японо-американских отношений также нуждается в серьезной корректировке. Отмечая их как неравноправные на первом этапе, сугубое следование Токио в фарватере американской политики, следует вместе с тем отметить и то, что такая политика была результатом сознательного, а не вынужденного выбора японской политической элиты, основанной на в целом положительном отношении масс. Следует обратить особое внимание на тот фактор, что в оккупационный период американские реформы воспринимались с эн-

тузиазмом широкими массами. Была, разумеется, и в определенной мере коммунистическая и левая оппозиция этому, но в целом американцы в массовом сознании воспринимались как носители не только более передовой технической цивилизации (на японцев огромное впечатление производили те атрибуты материальной культуры, которые появились вместе с американскими войсками на японских островах), но и как защитник более передовой социально-политической системы.

При всем пропагандистском оттенке фраз относительно «совпадения систем ценностей» двух стран, следует отметить, что после глубоких внутренних преобразований в Японии это совпадение, действительно, имело место, и оно укреплялось по мере укрепления демократических институтов в Японии и усиления взаимозависимости двух стран в экономической и политической сферах.

Во второй главе особое внимание необходимо уделить вопросу о переходе власти от Ёсида к Хатояма в 1954 г. Несомненно, что к этому моменту послевоенный оккупационный период в становлении новой Японии завершился. Перед страной встали новые задачи и в первую очередь проблемы обеспечения быстрых темпов экономического роста, которые собственно и начались с середины 50-х годов. Приход к власти правительства Хатояма, которое поспешили назвать националистическим, на самом деле отражал новые национальные задачи, для реализации которых необходим было пересмотреть тесные рамки японо-американского союза, получить большую свободу действий во внешнем мире. Срабатывал и политический вектор новых экономических интересов - установление отношений с СССР и Китаем. США вынуждены были пойти на уступки, неохотно признавая, что Япония уже выросла из коротких штанишек. Однако в отношении Китая американцы оставались достаточно бескомпромиссными.

Приход к власти после отставки кабинета Хатояма правительства Киси после нескольких месяцев пребывания у власти либерального экономиста Исибаси стал следствием исторического компромисса между двумя традиционно сильными тенденциями - «почвенниками» и «западниками». Этот компромисс - сохранение тесных союзнических отношений с США на основе равной ответственности и равных прав в обмен на согласие Вашингтона с курсом на невовлеченность в основные очаги конфликтов, что позволило с минимальны-

ми издержками реализовать планы быстрого наращивания экономического могущества.

В советской историографии огромное внимание уделялось двум традиционным темам - пересмотру договора безопасности в 1960 г. и мощной массовой волне антиамериканских выступлений в тот же период. Ключевым в данном случае следует, как представляется, считать понятие о новой стадии «зрелости» японского общества. Само по себе антиамериканские выступления 1960 г. имели решающее значение для пересмотра двусторонних отношений. Они стимулировали Вашингтон к принятию стратегических решений, которые обеспечили более прочную и поэтому более долговременную систему партнерства, в основе которой было признание интересов друг друга. Спустя два года США приняли принципиальное решение о возвращении о-ва Окинава.

Эти события обратили внимание политических элит двух стран на необходимость более целенаправленной работы по совершенствованию их союза. Они же способствовали тому, что правительство Икэда, пришедшее на смену Киси, смогло полностью сосредоточиться на экономических вопросах. Был принят план «удвоения национального дохода», который был успешно выполнен. Это «золотое десятилетие» послевоенной истории завершилось в 1969 г. подписанием договора о возвращении острова Окинава. Впрочем, в плане внутренних проблем это десятилетие не было безоблачным. Фантастические темпы экономического роста привели к серьезным социальным издержкам, главной из которых стала проблема защиты окружающей среды.

Третья глава начинается с двух «шоков» Никсона, каждый из которых оказал привел к качественным переменам. Первый был связан с введением плавающего курса доллара и знаменовало собой сдвиги в соотношении экономической силы между США, Западной Европой и Японией. Второй шок сопровождал визит Никсона в Китай в феврале 1972 г. и установление прямых американо-китайских контактов. Для Японии эти события были несомненно рубежными. По сути дела после установления отношений между Вашингтоном и Пекином наряду с обострением противоречий между Москвой и Пекином закончилась первая фаза «холодной войны» и началась вторая, которая привела в начале к эпохе т.н. разрядки международной напряженности, а потом и к краху са-

мой системы после демократических революций в Восточной Европе и в России.

Отношения Японии с США вступили в принципиально новую фазу. Токио, посчитавший себя свободным от обязательства строго следовать согласованной с США политике в отношении Китая, идет на восстановление связей, а затем и дипломатических отношений с Пекином. Визит Танаки в Пекин и подписание Шанхайского коммюнике явилось серьезной вехой в послевоенной истории Японии. Все эти события означали крутые перемены в геополитической и стратегической ситуации в регионе.

Ситуация становится еще более сложной в связи с разразившемся в середине 1973 года энергетическим кризисом. На решение возникших проблем были направлены все основные национальные ресурсы. Но, как это ни парадоксально, кризис 1973 г. как и последующие имел положительные последствия для японской экономики. Структурная перестройка японской экономики сделала ее еще более сильной и конкурентоспособной. В конце 1968 г. Япония вышла на второе место по ВВП среди капиталистических стран, а к концу 70-х годов она намного опережала Западную Германию, занимавшую третье место. В результате усилились позиции Японии в мире, ее партнерство с США приобрело все более выраженный характер взаимной зависимости.

Последняя глава начинается с момента, когда с прекращением существования СССР вся структура международных отношений принципиально изменилась. Для Японии, которая в течение многих лет свою стратегию строила исходя из существования биполярной конфронтации, и умело пользовалась этой системой наступил период нового осмысления своей роли и национальных задач. Прежде всего, возникла объективная потребность в переосмыслении японоамериканского военно-политического союза, его целесообразности.

Как видно из событий последнего времени, в этом вопросе мы наблюдаем диалектическое явление. С одной стороны в условиях сохранения напряженности на Корейском полуострове, потенциально нестабильной ситуации в Китае, и общей нестабильности в мире после краха биполярного и формирования многополюсного мира, военно-политический союз сохраняет свое значение как фактор мира и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе. С другой - массовое

движение протеста против американских военных баз на Окинаве свидетельствует о кризисе структуры этого союза в частности сохранение военных баз на японской территории. Но перевес центристских тенденций в двусторонних отношениях можно объяснить скорее необычными или аномальными явлениями «переходного периода». Долгосрочные интересы будут подталкивать Токио к переосмыслению роли Японии в мире, к выработке новой стратегии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Навлицкая Г.Б.</i> Экологичность жизненной практики японца как основа формирования социо-культурной традиции.....	3
<i>Леценко Н.Ф.</i> Идеологическое обоснование реставрации императорской власти в Японии.....	10
<i>Еремин В.Н.</i> Право в токугавской Японии: объективные предпосылки успеха правовой реформы Мэйдзи.....	22
<i>Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В.</i> Мэйдзийская модель развития.....	36
<i>Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В.</i> Размышления о процессе модернизации Японии.....	51
<i>Лебедева И.П.</i> Роль государства в экономическом развитии	66
<i>Мазуров И.В.</i> О фашизме в Японии.....	80
<i>Навлицкая Г.Б.</i> Урбанизация Японии: количественные аспекты исследования городского населения (60 - начало 80-х годов).....	93
<i>Саркисов К.О.</i> Интерпретация некоторых узловых событий послевоенной истории Японии.....	108

Научное издание

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ
М., 1996**

Редакционно-издательский отдел
Института востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Заведующий отделом Ю.В.Чудодеев

ЛР №040753 от 10 апреля 1996 г.

Сдано в набор 20.06.96 Подписано к печати 10.07.96
Формат 60x90 1/16 Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 7,625 Тираж 300 экз. Заказ №06

Издание осуществлено при участии
редакционно-издательского отдела Упрполиграфиздата
Администрации Московской области
Москва, ул. Глинищевского, стр. 1

Отпечатано в типографии "Принт"